

Алексей Золотухин
Агония небес. На исходе дней

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Золотухин А.

Агония небес. На исходе дней / А. Золотухин — «РИПОЛ Классик», 2016

Роман Алексея Золотухина – впечатляющая история, в которой человечество оказывается невольно вовлеченным в извечную войну двух противостоящих инопланетных рас и сталкивается с катастрофой. На фоне грандиозных битв цивилизаций идет и борьба в душе главного героя романа. «Агония небес» – захватывающее повествование о том, как на крутых виражах судьбы наши современники вынуждены проходить через испытания, которых не могли и представить. Каждая страница произведения чрезвычайно богата событиями, эмоциями и пронизана духом опасности и тайны, что заставляет читать эпопею на одном дыхании до самого конца. Автор создал необыкновенный яркий мир, соединив в нем реальность с фантастической картиной будущего и звездных миров. В романе есть все, что может заинтересовать читателя: прогностическая информация о возможном будущем человечества, яркая любовная линия и интересно закрученный сюжет, суть которого откроется лишь в момент развязки.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Золотухин А., 2016

© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Введение	6
Пролог	9
Глава 1	17
Глава 2	32
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алексей Золотухин

Агония небес. На исходе дней

BIC FA BISAC FIC000000

© Золотухин А. В., текст, 2016

Введение Таинственный дневник

В тот день я проснулся затемно, с плохим предчувствием. Впрочем, в последнее время это случалось довольно часто. Жизнь и раньше-то шла не так, как хотелось, а с некоторых пор и вовсе катилась под откос. Бизнес трещал по швам, личная жизнь, мягко говоря, не ладилась. Мои же тщетные попытки что-то исправить лишь усугубляли ситуацию...

Разбудивший меня предрассветный телефонный звонок едва ли сулил что-то хорошее, но я все-таки снял трубку, поскольку был уверен: неприятностям нужно смотреть в лицо, а не бежать от них.

Как я и предполагал, новость была плохой. Звонивший сообщил, что у него печальное известие из Воронежа, и я первым делом подумал, что умерла бабушка по отцовской линии. Ей было уже за девяносто, и смерть, увы, стала бы вполне ожидаемой. Однако весть оказалась иной. Мне сказали, что вчера умер мой отец.

Несколько минут я сидел неподвижно на кровати, пытаюсь принять данный факт, но услышанное не укладывалось в голове. Бабушке суждено было пережить своего сына... Конечно, заснуть я больше не смог и еще долго размышлял, как это ужасно: терять детей. А едва рассвело, стал собираться в Воронеж.

Мне хотелось успеть на похороны, поэтому пришлось бросить все дела и срочно выехать. Честно говоря, я уже давно подумывал о том, чтобы ненадолго оставить город и отвлечься от навалившихся проблем. Правда, мечтая о поездке, я и предположить не мог, что мечта сбудется при столь трагичных обстоятельствах. Не зря говорят: «Бойтесь своих желаний». Видимо, те, кто берутся за их исполнение, не очень-то нас любят.

Хоть от Владимира до Воронежа и не очень далеко, все как-то не складывалось. То машину мою во дворе прижал сосед своей развалюхой, не оставив мне никакой возможности выехать. То гаишники тормознули, когда я обогнал фуру. Выяснилось, что пока я ее обгонял, прерывистая линия превратилась в сплошную. Судя по выражению лиц стражей порядка, они были моему проступку несказанно рады. Особое удовлетворение они испытали, получив наличные в обход выписки официального штрафа. Уже на подъезде к городу я умудрился еще и пробить колесо и развлекся тем, что менял его на запаску.

До места добрался только поздно вечером и понял, что все-таки опоздал. Мой дядя не хотел долго ждать и похоронил отца уже на следующее утро после смерти. Поминок как таковых не было. В последние годы отец почти ни с кем не дружил. С родственниками, кроме собственной матери, он не общался. Даже с родным братом был в ссоре неизвестно с каких времен. Что касается меня, единственного сына, то я виделся с отцом не чаще, чем раз в пять лет. Даже на мою свадьбу он приехать не соизволил, сославшись на то, что поранил палец на руке, когда нырял с аквалангом в море.

В моей жизни он всегда появлялся неожиданно и как ни в чем не бывало начинал рассказывать о том, как интересно живет, путешествуя по миру в поисках диковинок прошлого. Однако мне он не казался героем типа Индианы Джонса. Скорее, представлялся безответственным, самовлюбленным эгоистом, который бросил семью ради безделья и приключений.

Нет, я никогда не испытывал к нему ненависти. Просто хотел стать его полной противоположностью – человеком, для которого семья занимала бы в жизни главное место. Для этого я приложил все свои усилия, но судьба, словно в насмешку, пустила на семейном фронте все под откос.

Бабушка встретила меня в слезах и все время причитала, какой ее сын был глупый и как хорошо, что я на него совсем не похож. Она рассказала, что у отца в баре за очередной кружкой пива случился инсульт, и он, падая, ударился виском об угол стола и умер. Однако вполне возможно, что его ударили чем-то по голове. Вроде бы в последнее время он чего-то или кого-то боялся. Но теперь уже ничего не докажешь.

Стемнело, пора было ложиться спать. Бабушка предложила мне перед сном поужинать.

В доме было невероятно грязно. Отец, живший здесь в последние годы, похоже, не ударял и пальцем о палец, предпочитая алкоголь любым делам. Со слов бабушки я знал, что ее непутевый сын уходил каждое утро, а возвращался под вечер, хотя давно нигде не работал. Приходил он обычно навеселе, включал телевизор, доставал бутылку водки и трехлитровую банку вишневого компота и так, в одиночестве, смотря все подряд на единственном работающем канале телевизора, пил, после чего ложился спать.

Домашними делами бабушке приходилось заниматься без его помощи. Но она была слаба, да и видела плохо, и толком навести порядок не могла.

Опасаясь отравиться или подхватить какую-нибудь инфекцию, от еды я скромно отказался, сославшись на то, что недавно поел.

Я передал бабушке гостинцы, что купил по пути, и она удалилась с ними на кухню.

Я бы с удовольствием отказался не только от ужина, но и от ночевки в этом пропахшем плесенью и пылью месте. Но я не мог оставить бабушку одну в таком состоянии и уехать в гостиницу.

По воле обстоятельств мне пришлось провести ночь в комнате отца. Войдя в тесное помещение с низким потолком, я поразился, насколько там все было убого. Мебели почти не было. Отец обходился старой пружинной кроватью, покосившимся шкафом и маленьким самодельным столиком.

В моей памяти это место выглядело более привлекательным. В детстве я был здесь лишь однажды и спал на этой же самой кровати, но тогда ее покрывали перины и пышные пуховые подушки, в которых я просто тонул. Теперь здесь все было отсыревшим, выцветшим, старым. Ни диковинных находок, ни фотоальбомов из дальних странствий. Бабушка рассказала, что отец лишился почти всех своих вещей, когда пару лет назад очередная подруга, у которой он жил, выставила его на улицу. Я же, глядя на старый хлам, вообще начинал сильно сомневаться в том, что отцовские рассказы про путешествия были правдой.

Единственное, что осталось от него в наследство, – участок земли на окраине Владимира, где еще до развода с моей матерью он собирался строить дом, чтобы жить там всей семьей. Правда, этим планам, как и многим другим в его жизни, так и не суждено было воплотиться в дела. Я сомневался в том, стоит ли мне забивать голову этим клочком земли. Кто знал, какие долги числились за отцом, и не пришлось бы мне их выплачивать после вступления в наследство.

Тем не менее бумаги на землю я все-таки взял, подумав, что решение приму позже, когда съезжу на место и увижу участок своими глазами. Главное, чтобы мой дядя не опередил меня и не присвоил наследство себе. И хотя я никогда не видел отцовского брата, почему-то представлял его отнюдь не добрым самаритянином.

Удивительно, но из всего барахла, валявшегося в комнате отца, мне даже нечего было взять на память о нем.

Старые книги, не сданные в библиотеку, наверное, еще со школьных времен. Полуразобранный радиоприемник. Моя фотография, приколотая булавкой к пожелтелым обоям. Я помню, что давным-давно посылал ее бабушке. Написанное корявым почерком письмо от отцовской подруги с отпечатком коричневой помады в виде поцелуя. Телефонная книжка с неизвестными мне именами, на последних страницах которой обнаружилась пара стихов о море и горах, а также любовное послание какой-то Вере. Стихи были абсолютно бездар-

ными, с очень слабой, почти отсутствующей рифмой. Мне стало горько из-за того, что отец впустую растратил жизнь и ничего после себя не оставил.

Перерыв все, я добрался до шкафа с одеждой. Но и там был лишь мусор и старая, никому не нужная, одежда: белый плащ с желтым пятном на рукаве, пиджак с засаленными манжетами, пара весьма заношенных брюк, несколько изношенных сорочек. В углу лежала потертая обувная коробка. Наверное, ради того, чтобы убедиться, что просмотрел все, я открыл ее, ожидая увидеть пару стоптанных туфель. Однако там лежала перемотанная бечевкой картонная папка.

Развязав бечевку и открыв папку, я извлек несколько листов бумаги с выцветшими печатями, пожелтевшую от времени фотографию и достаточно объемистую общую тетрадь. Бумаги с печатями оказались документами о моем усыновлении. Для меня не стал откровением факт их существования. Я прекрасно помнил, как в четвертом классе меня забрали из детского дома и как радость переполняла меня в тот день. Со сверстниками в школе-интернате я не особо ладил, по ночам в общей палате вечно случались драки, впрочем, и днем стычки не прекращались. Учителя и воспитатели были людьми жесткими, словно до этого работали в тюрьме. Друзей там у меня было мало, да и времени на обычные детские игры и отдых нам почти не давали.

Отложив документы, я взял в руки фотографию, на которой увидел своих приемных родителей. Они были еще вместе и счастливо обнимали друг друга на фоне древних величественных руин где-то в горах. Отец был крепко сложен, почти плейбой, загорелый, еще без темных мешков под глазами от периодических запоев и без пивного брюха, которое он нажил в последние годы. Мать словно сошла с обложки глянцевого журнала, в игриво расстегнутой блузке и без православного крестика, что носила все время, сколько я ее помнил. Такими, как на этой фотографии, я их никогда не видел. На моей памяти родители постоянно ссорились и практически сразу после моего усыновления развелись. Когда отец меня изредка навещал, они почти не разговаривали друг с другом.

На этой фотографии отец был очень похож на меня. Отметив это, я немного удивился, ведь родными мы не были. Впрочем, я решил, что сходство хоть и казалось достаточно сильным, было все-таки случайным.

Убрав фотографию и открыв тетрадь, я увидел пожелтевшие от времени страницы, исписанные мелким почерком. Судя по отметкам времени и места, это был чей-то личный дневник. Что-то в этих записях меня смутило, и я начал их листать. Вскоре я с удивлением понял, что именно заставило меня насторожиться. В тетради были вовсе не записи моего отца. Почерк был знакомым, но точно не его. Чей именно?

Не будучи до конца уверенным в своем предположении, я взял со стола карандаш и написал на обрывке какого-то листа слово «возможно», так как именно с него и начинались записи в дневнике.

Вне всяких сомнений, почерк был мой.

Это было очень странно, ведь я точно знал, что никогда не вел подобного дневника. Весьма озадаченный этим открытием, я решил найти разгадку неожиданной тайны в самих записях.

Присев на кровать, я начал читать дневник.

«Возможно, мой рассказ покажется нескладным и сбивчивым, но я напишу все, как мне запомнилось с момента пробуждения...»

Пролог «Сумерки сознания»

Время неизвестно

Место нахождения неизвестно

...Похоже, для меня в небытии прошла целая вечность...

Блуждая в своих странных, тревожных виденьях, я неожиданно понял, что настоящая опасность была не в пугающих тенях, преследовавших меня по пятам, а в том, что я спал.

Продолжая спать, я упустил свой единственный шанс на спасение. Прямо во сне я всеми фибрами души ощутил, что должен немедля проснуться. Откуда взялась эта уверенность? Так мне сказал мой внутренний голос. Возможно, именно такими бывают подсказки подсознания: тихо, но властно мне было приказано проснуться.

Поверив голосу, я попытался вырваться из снившегося мне кошмара, но это оказалось непросто. Тем не менее, спустя некоторое время, мощная волна пробуждения, подчинившись моей воле, вытолкнула меня на своем гребне в реальность.

Я проснулся.

Вокруг стояла непроглядная тьма. Своего тела я не ощущал, никакие звуки не касались моего слуха, а запахи – обоняния.

Память была девственно чиста, не оставляя и намека на то, кто я, где нахожусь и как сюда попал. Отсутствие воспоминаний было столь мучительным, как недостаток воздуха для утопающего.

После долгих попыток воссоздать хоть какие-то факты или события из прошлого, в глубине моего сознания, наконец, забрезжила смутная картина. Виденье постоянно расплывалось и ускользало, и я не был до конца уверен, что оно отражает то, что действительно со мною случилось.

В этом воспоминании на меня медленно надвигалась громада поезда. Пронзительный и мучительно долгий скрежет тормозов, переходящий в свист и режущий слух, а затем удар.

И больше ничего, только плотный, тягучий туман вместо воспоминаний.

Я начал судорожно перебирать варианты объяснения происходящего. Возможно, я так и не проснулся, и один мой кошмар просто сменился другим. Или же я действительно попал под поезд и каким-то чудом избежал смерти, но утратил способность чувствовать. В качестве одного из вероятных вариантов рассматривал я и то, что все-таки погиб и теперь ждал своей участи в «чистилище». Впрочем, если никакого рая и ада не существует, я мог находиться, после своей смерти, где-то в нигде...

Напоследок мне пришла идея, что я все еще жив, но меня похоронили заживо. Очевидно, эта версия появилась в момент, когда я начал ощущать легкий холодок. Это значило, что чувства все же не были утрачены и постепенно возвращались.

Ни один из вариантов, пришедших на ум, меня категорически не устраивал. Собрав волю в кулак, я попытался пошевелиться. Мне удалось немного повернуть голову, и я впервые с момента своего пробуждения хоть чему-то обрадовался. Я по-прежнему мог двигаться! Правда, расплата последовала немедленно: сотни ледяных игл безжалостно вонзились в онемевшую шею. Неприятные ощущения вынудили меня резко дернуться, и боль волной покатила по всему телу. В довершение всего голень свело острой мучительной судорогой. Вскрикнув от неожиданности, я инстинктивно свернулся в позу эмбриона и схватился за пронзенную спазмом ногу. С силой вонзив ноготь в предательски болевшую мышцу, я попытался избавиться от судороги.

От резких движений покрывало соскользнуло с моего тела, и даже через закрытые веки окатило таким ослепляющим светом, что перед глазами поплыли разноцветные пятна. Быстро отвернувшись от его источника, я дождался, пока пятна погасли, и попробовал открыть глаза.

Однако что-то прочно склеивало мои веки. Приложив серьезное усилие, дрожащими от слабости руками и все еще непослушными пальцами я медленно раскрыл их, не щадя своих ресниц.

Яркий свет, словно пламенем, обжег глаза, и я зажмурился. Вдоволь налюбовавшись разноцветным калейдоскопом солнечных зайчиков, я прикрыл ладонями глаза и повторил свой эксперимент.

В этот раз я вел себя осторожнее: прищурился, постепенно отвел руки от глаз и наконец разглядел источник слепящего света. Всею виной были яркие лампы, висевшие надо мной. Это были хирургические лампы. А я абсолютно голый лежал на операционном столе в их свете.

Мое тело покрывали бурые пятна запекшейся крови. Кровь была повсюду, она даже просочилась сквозь кем-то наброшенное на меня поверх простыни покрывало.

Однако, несмотря на такое обилие кровавых следов, никаких ран или швов я на себе не обнаружил. Видимо, кровь была не моей. Но никакой версии относительно того, откуда она взялась, у меня так и не появилось. Не окатили же меня кровью из ведра для создания спецэффекта, как в американском боевике.

Были и другие детали, которые меня насторожили. Казалось, в операционной я находился совсем один. Хирурги в масках не суетились вокруг, и медсестер тоже не было видно. Кроме того, само помещение, насколько я мог разглядеть, было весьма грязным, словно это не обычная отечественная больница, а заграничная криминальная клиника по извлечению органов на продажу.

На подвесном потолке и стенах комнаты виднелись многочисленные пятна. Выглядели они так, будто в операционной щедро расплескали концентрированную серную кислоту, которая прожигала поверхность всюду, куда попадала. Многие предметы интерьера утратили полностью или частично свой первоначальный цвет, как изображения на выцветшей под солнцем фотографии. Висевший на стене круглый циферблат часов оплавился и деформировался, стекло волнистой пленкой висело под корпусом, и я невольно вспомнил картину Сальвадора Дали. Стоявший под часами передвижной столик с монитором, какими-то датчиками и медицинским инвентарем обуглился, словно после пожара. Оплавленные провода опутывали его, как лианы в диких джунглях. У стоявшей рядом с операционным столом металлической тележки с хирургическими инструментами были выломаны целые куски. Выглядела она так, как будто огромное изголодавшееся существо жадно обкусало ее.

Впрочем, странности не ограничивались внешним видом операционной. Новым открытием стало то, что боль, мучившая меня после пробуждения, прошла без следа. Я чувствовал себя совершенно здоровым. В связи с этим возник вполне резонный вопрос: что же, собственно, я здесь делал? Не позагорать же под хирургическим светильником прилег...

Не найдя ответа и на этот вопрос, я решил как следует осмотреть помещение и приподнялся на локтях. К своему ужасу я понял, почему не было видно медицинских работников – никого из них не осталось в живых. Врачи и медсестры лежали на полу вокруг хирургического стола в самых немыслимых позах.

Трудно было поверить, что все это реально. Похоже, я снова видел кошмар. Но теперь уже, очевидно, наяву. От страха у меня перехватило дыхание. Я буквально остолбенел, не в силах ничего предпринять или даже просто сдвинуться с места.

Прошла минута или две, прежде чем я заставил себя продолжить изучение операционной. Специфического запаха не ощущалось, стало быть, врачи умерли не так давно. Но что

их убило? Это было абсолютно непонятно. Может, я пробыл некоторое время в коме и случайно проспал конец света в виде экзотической пандемии? Версия была, конечно, безумной. Впрочем, что еще могло прийти на ум при виде открывшейся картины. Превозмогая страх и рвотные позывы, я решил осмотреть трупы, чтобы понять, что здесь случилось.

Вид у медиков был прескверный. Их лица, точнее то, что от них осталось, были полны дикого ужаса и нестерпимой боли. На некоторых не хватало фрагментов кожи, на других исчезли, словно растворились, мышцы. Были и полностью сохранившиеся, при взгляде на которые возникло ощущение, что жизнь из них просто вытекла.

Хуже всего пришлось хирургу. На месте его глаз зияли две обугленные дыры. Такое же жуткое отверстие осталось и на месте носа. Кожа стала серой, как пепел, и местами потрескалась. Халат был залит кровью и чем-то еще желтовато-зеленым. Месиво костей и тканей, видневшееся из-под разорванного халата, даже смутно не напоминало человеческое тело – скорее, солому, которой набивают огородное чучело. Одна рука врача мертвой хваткой сжимала скальпель. Со скальпеля, припекшееся кровью, свисало нечто, нитеобразное и мерзкое, зеленого цвета. На месте второй руки остался лишь пустой рукав белого халата, из которого высыпалась горстка серого пепла, словно кисть истлела от какого-то внутреннего жара.

От увиденного в голову полезли невеселые мысли. Вдруг подобное творится не только здесь, но и за пределами операционной? Что ждет меня там, снаружи? Улицы, заваленные трупами? Зомби с мутантами? Обезумевшие люди? Или что еще похуже, чего не придумал даже Голливуд?

Или, возможно, я сам каким-то образом убил врачей, и сюда вот-вот ворвется до зубов вооруженный спецназ и арестует меня?

Последнее предположение перевесило чашу весов между страхом, подсказывавшим, что надо затаиться, и желанием выжить, диктовавшим необходимость действовать. Видимо, пришло время убираться прочь из этого жуткого места.

Конечно, я не верил, что мог совершить убийство, хоть и ничего не помнил о своем прошлом. Но, с другой стороны, объяснять представителям закона, что я, единственный выживший, делал в комнате с кучей мертвецов, тоже не хотелось.

Медленно спустив босые ноги с операционного стола, я осторожно встал. Чтобы удержать равновесие и не рухнуть от слабости, мне пришлось опереться на стол и перевести дыхание.

Голова немного кружилась и побаливала. Ноги и руки слегка покалывало, и они казались ватными. Однако в целом я был в состоянии двигаться. Правда, незаметно покинуть больницу, будучи абсолютно голым, было несколько проблематично.

Кое-как преодолев страх и отвращение, я подошел к одному из более-менее сохранившихся трупов. Брезгливо расстегнул трясущимися пальцами пуговицы на его хирургическом халате и стянул с мертвого врача одежду. Одевшись, я позаимствовал ботинки у другого врача, носившего обувь моего размера.

Теперь я был готов покинуть этот склеп.

Все еще нерешительно, крадучись словно кошка, охотящаяся за мышью, я пошел к двери. По пути мой взгляд упал на стальной лоток, стоявший между хирургических инструментов на одном из передвижных металлических столиков. Он был полон таких же нитевидных субстанций, какие я заметил раньше на скальпеле хирурга, похожих на водоросли или на клубок тонких ленточных червей. Вдобавок ко всему, эта мерзость была пропитана кровью и какой-то серой слизью. Их вид был отвратителен, меня снова начало подташнивать, и я невольно остановился. Резко отвернувшись, чтобы сдержать рвотный позыв, я посмотрел в сторону выхода из операционной и двинулся в этом направлении.

Дверь в коридор была распахнута настежь. Подойдя к ней, я ненадолго остановился. В голове проносились, сменяя друг друга, картины того, что могло ждать меня за пределами

хирургической комнаты. Вскоре я понял, что теряю время, потому как пользы в кошмарных образах, всплывавших откуда-то из глубин моего подсознания, не было никакой. Не обращая на них внимания, я двинулся дальше, не забыв прихватить на случай самообороны скальпель.

Людей в коридоре не было. Точнее, живых людей.

Первым, что я увидел, оказалось тело мертвого врача у дверей. Похоже, он пытался сбежать из операционной, но не успел. Растянувшись на полу в паре метров от меня, доктор лежал лицом вниз, вытянув руку вперед, словно перед смертью пытался ползти. Впрочем, было ясно, почему этот несчастный прервал свой бег и пытался двигаться ползком: вместо ног был лишь след из серого пепла.

Рядом лежало еще одно тело, на этот раз не медработника, а охранника. Оно буквально прилипло к двери, словно беднягу припечатали к ней раскаленным утюгом. Табельное оружие, расплавившись, вытекло из кобуры и представляло собой затвердевшую металлическую лужицу. Голова охранника намертво срослась с дверной ручкой, став с ней единым целым: из его полураскрытого рта между почерневших зубов торчала круглая медная дверная ручка с прорезью для ключа. Этот мертвый блюститель порядка полностью разрушил мою и без того сомнительную версию о всемирной пандемии. Едва ли найдется болезнь, способная такое натворить. Правда, от этого открытия светлее на душе почему-то не стало.

Коридор не был изуродован так сильно, как операционная, но и он не избежал разрушений. Бежевая краска на стенах местами отслоилась и покрылась буграми, словно вспенилась. Все лампы дневного освещения взорвались от перегрева и осколками обильно усыпали под собою полы. Линолеум вблизи операционной был бурым и пористым, словно пемза.

Единственным источником света в коридоре, теперь оставалась раскрытая настезь двери комнаты напротив. На удивление медленно, видимо из-за сковывавшего движения страха, я преодолел небольшое расстояние, отделявшее меня от этого дверного проема, и заглянул внутрь.

Моему взору предстала странная картина. Вся мебель в помещении была сдвинута к центру словно ее притянуло туда, как магнитом. Две медсестры лежали на полу среди осколков посуды с открытыми, но безжизненными глазами. То, что было когда-то электрическим чайником, теперь походило на лужицу ртути, от которой обожженной змеей тянулся электрический шнур, ухотивший вверх по стене к оплавленной розетке.

Ветер, дувший из окна, расшвырял исписанные медицинские бланки по всей комнате и теперь хаотично гонял их по полу, заодно развеивая волосы медсестер.

Я все больше утверждался в мысли, что и дальше, продвигаясь вперед, ничего хорошего не увижу. Но так как выбора, пожалуй, не было, пришлось продолжить путь.

По-прежнему медленно и тихо, буквально на цыпочках, я дошел до угла коридора. Моя рука в кармане халата судорожно сжимала скальпель, хотя я и не был уверен, что он сможет меня защитить от таившихся впереди угроз. Нервы были на пределе. Рука в кармане периодически произвольно дергалась, и я случайно поранил большой палец и прорезал дыру в халате. К счастью, порез был совсем небольшим – как при неловком бритье. Оторвав кусок от пояса халата, что был на мне, я перевязал рану и теперь держал пальцы подальше от лезвия.

Неожиданно за углом я уловил какое-то движение. Я прислушался. Мне показалось, что кто-то волок по уложенному кафельной плиткой полу металлическую трубу. От этого звука меня буквально пробил озноб. Не дожидаясь, пока фантазия дорисует что-то по-настоящему ужасное, я осторожно заглянул за угол.

Там было безлюдно, и только в конце коридора полная санитарка не спеша катила больничную тележку с едой. Двигалась она, виляя толстыми ягодицами, и на зомби походила слабо. Очевидно, прежний мир хотя бы частично, но еще существовал. Такой вывод

меня слегка успокоил и еще больше укрепил в желании быстрее сбежать из этого пугающего места.

Постоянно оглядываясь, я почти беззвучно пошел следом за женщиной.

В конце коридора санитарка пропала из виду. Я шагнул в первый же дверной проем и сразу нос к носу столкнулся с юной медсестрой, несущей на подносе пластмассовые контейнеры с анализами больных и расставленные по ячейкам пробирки с кровью.

Девушка была невысокой курносой блондинкой с короткой стрижкой. Вскрикнув от неожиданности, она опрокинула на меня поднос. Я же, не теряя времени, решил быстро ретироваться прямо в перепачканном анализами халате. И, прежде чем медсестра успела произнести хоть слово, я выбежал прочь из отделения в надежде найти путь отступления: лестницу или лифт. Вскоре лестница была обнаружена, и я, прыгая через несколько ступеней, заторопился вниз.

Миновав два пролета, я, не сбавляя темпа, обернулся, чтобы посмотреть, не преследуют ли меня. Медсестры позади себя я не увидел, как, впрочем, не заметил оставленного кем-то ведра со шваброй впереди. Налетев на него, я расплескал воду и рухнул прямо к ногам двух мирно беседовавших врачей.

При падении я сильно ударился ладонями об пол, но, не обращая внимания на боль, тут же вскочил, чтобы поскорее убраться из больницы. Врачи прервали свою беседу и как-то недобро на меня посмотрели. Видимо, как и юную медсестру, их что-то смутило в моем облике. Возможно, причиной такой реакции была плохо стертая с лица запекшаяся кровь. Или халат с отвратительными бурными пятнами, который был мне не по размеру. Выяснить, что именно, я не стал. Вместо этого еще быстрее побежал вниз по лестнице, чуть ли не скатываясь по перилам. К счастью, врачи за мной не погнались, а ограничились тем, что крикнули вслед пару ругательств и не очень лестных напутствий.

Этажом ниже оказалось отделение кардиологии. Что ж, подумал я, сердечники – ребята хорошие, им торопиться вредно. Я предполагал, что медсестра могла предупредить охрану внизу, и намеревался уйти через запасной выход, чтобы не испытывать судьбу. Согласно правилам пожарной безопасности выходов на каждом этаже больницы должно быть два. Значит, имело смысл пересечь отделение насквозь и найти запасную лестницу.

Поплевав на руки и слегка оттерев лицо от крови, я вошел внутрь кардиологического отделения. Прогуливающиеся по коридору больные подозрительно посматривали на меня, но уже не вскрикивали. Одна особо сердобольная старушка посоветовала мне умыться, что я и поспешил сделать, увидев на двери букву «М». Войдя в туалет, я обнаружил там подростка, пившего воду из-под крана. На пациента он не был похож – видимо, пришел навестить в отделение дедушку или бабушку.

Окончательно утолить жажду я парню не дал. Его одежда могла мне пригодиться для побега. Поэтому, оставив сантименты до более спокойных времен, я без особых церемоний схватил подростка за грудки и поволок в кабинку с унитазом. Он сделал попытку закричать, но я крепко зажал ему рот ладонью. В отместку за это подросток меня укусил. Стерпев боль, я склонился к нему и зло прорычал прямо в ухо:

– Хочешь остаться целым и невредимым, помалкивай. Насиловать тебя я не собираюсь, я не педофил. Мне просто нужна твоя помощь.

Он разжал зубы, и я силой посадил его прямо на крышку унитаза.

– Отпустите меня, – с надеждой попросил паренек.

– Отпущу, если поможешь, – ответил я.

– А что надо-то? – жалобно заскулил подросток, рыская при этом глазами, готовый сбежать в любой момент.

– Сейчас мы с тобой обменяемся одеждой. Ты уж извини, но мою просьбу тебе придется выполнить. Если что-то не устраивает, я тебе просто сломаю нос, – в качестве весо-

мого и единственного аргумента я поднес к лицу парня свой достаточно крупный кулак. – Ты все понял? Тебя все устраивает?

Паренек все понял и, тяжело вздохнув, молча разделся до трусов.

– Трусы тоже снимать?

– Оставь себе... – ответил я, снимая халат и на всякий случай выбросив окровавленный скальпель в унитаз, чем еще больше напугал парня. – И еще... после моего ухода посидишь здесь немного. И давай, без глупостей, а то...

– Нос сломаешь?

– Да. Или зубы выбью. Что именно, еще не решил, – сказал я и постарался придать лицу максимально суровое выражение.

Я переоделся. Одежда была тесновата, а штанины еще и короткие. И все же в таком виде я должен был привлекать меньше внимания к своей персоне. Быстро смыв с лица и рук остатки запекшейся крови, я покинул туалет и зашагал по коридору с видом человека, который собирается кого-то навестить. Так я прошествовал через все отделение мимо врачей и медсестер, рискуя встретить пациентов, к которым приходил паренек. Однако мне повезло. Никто меня не остановил и ни о чем не спросил. Очевидно, родственник подростка находился в палате и не увидел, что кто-то ушел в одежде его посетителя.

Миновав пост, где две девушки в белых халатах увлеченно раскладывали таблетки по баночкам с фамилиями больных, я вышел из отделения прямо к лифту и второй лестнице.

Спустившись вниз пешком, я увидел группу охранников. Они стояли в другом конце коридора, у поста приемного покоя, о чем-то оживленно беседовали и, к счастью, были достаточно далеко от меня. Я же оказался в травмпункте, выход из которого был в двух шагах от меня. Стараясь ничем не выдавать себя и не оглядываться на охрану, я двинулся ровным шагом мимо больных с перебинтованными руками и ногами и, наконец, покинул здание, столкнувшись в дверях с санитарями, поддерживающими под руки полноватую женщину средних лет с основательно забинтованной головой.

На улице я почувствовал себя немного лучше, хотя меня все еще потряхивало от напряжения.

Чуть переведя дыхание, я быстрым шагом направился прочь от больницы, считая ее потенциально опасным местом. Оказалось, боялся я не напрасно. Не сдержавшись и напоследок обернувшись, я увидел, как у главного входа больницы остановились три машины полиции и зеленый грузовик военного образца с зарешеченными окнами и закрытым кузовом, из которого спешно выгружались омовцы в полном боевом обмундировании.

Вскоре к зданию подъехал джип с красным проблесковым маячком на крыше. Он взобрался через бордюр на тротуар и остановился, подмяв передними колесами пару хризантем с клумбы. Из машины вышел человек в строгом сером костюме и солнцезащитных очках, внешне напоминавший чекиста из советских фильмов. Он не спеша закурил и рукой с сигаретой небрежно указал омовцам, чтобы те рассредоточились и окружили больницу по периметру.

Последовав приказу «чекиста», те бойко разбились на группы и направились к разным выходам из больницы. Я отвернулся и, превозмогая желание бежать отсюда со всех ног, пошел ровным шагом вдоль забора.

На улице оказалось довольно жарко, хотя день, похоже, уже клонился к вечеру. Шагая по кленовой аллее больничного парка, я время от времени оглядывался, но меня не преследовали. По крайней мере, я этого не замечал. Даже редкие прохожие на меня не обращали никакого внимания.

По-прежнему не понимая, что случилось и что мне делать дальше, я все же был рад тому, что оказался на свободе.

Да, я не помнил, кто я. И даже не знал, где я. Возможно, я болен и опасен для общества. Или, наоборот, нуждаюсь в защите и лечении. Да, я не имел ответов почти ни на один свой вопрос.

Но я был свободен. Единственное, чего мне сейчас хотелось, – это уйти подальше от этого пугающего места.

Несмотря на жару, на улице уже пахло терпкими запахами осени. Первые пожелтевшие и покрасневшие листья медленно кружились на асфальте от дуновений ветра, исполняя танец увядания. Небо было слегка сероватым от дыма, видимо, вокруг города горели леса. Очередной порыв ветра швырнул мне пыль в лицо. Глаза я закрыть успел, и потому острые песчинки лишь слегка царапнули кожу лица. Некоторую их часть я случайно вдохнул и непроизвольно чихнул.

Проходившая мимо женщина с малышом в коляске пожелала мне быть здоровым. Улыбнувшись, я ответил ей, что буду, а про себя подумал, что искренне надеюсь на то, что не являюсь разносчиком опасной инфекции, которая превратит город в морг, каким стала операционная.

Пройдя парк, я вышел на широкую улицу, скорее даже проспект. Шестиполосная дорога с мчащимися, не особо соблюдая правила дорожного движения, машинами. Множество прохожих, идущих в быстром темпе мегаполиса. Первые этажи зданий, манящие рекламной магазинов и ресторанов.

Проходя мимо большой витрины кофейни, я заглянул внутрь через стекло, за которым люди мирно беседовали за чашечкой ароматного напитка. Некоторые что-то искали в интернете, пользуясь бесплатным WI-FI заведения и неторопливо водя пальцами по экранам планшетных компьютеров. У всех у них текла обычная понятная жизнь. Пусть со своими проблемами, но все-таки более-менее ясная.

Я же по-прежнему ничего не знал о себе, а при малейшей попытке что-либо вспомнить из собственного прошлого накатывала острая головная боль.

Все-таки кто же я?

Сложение у меня было достаточно крепкое, потому, возможно, я был спортсменом или военным, или даже сотрудником спецслужб. Как я умудрился попасть под поезд? Ну вряд ли я планировал суицид или решил сэкономить на билете. Вероятно, я хотел кому-то помочь и, может, даже спас кого-то.

Героическую картину немного портил тот факт, что у двери операционной, которую я так спешно покинул, находился охранник. Хотя, возможно, он был там не для того, чтобы помешать мне сбежать, а, напротив, для моей охраны.

Очередной загадкой был приезд ОМОНа. Но, опять же, существовала вероятность того, что отряд прибыл задерживать вовсе не меня. Возможно, была диверсия. Или даже покушение на мою персону... Может быть, я вообще был известным политиком?

Предполагать можно было многое. Но, как бы я ни убеждал себя в том, что являюсь законопослушным, полезным для общества гражданином, что-то мешало мне в это поверить.

К счастью, мой мозг оказался не совсем безнадежным. Спокойная картина за стеклом кофейни, по какой-то непонятной мне причине, стала отправной точкой, с которой начались воспоминания. Я почувствовал легкий, но болезненный спазм в голове и остановился. Теплая капля крови медленно вытекла из моей правой ноздри, видимо от скачка давления.

В голове начали непроизвольно возникать картины прошлого. Они были чрезвычайно яркими и четкими. Наверное, такими бывают галлюцинации у больных шизофренией или под действием наркотиков. Эти виденья, изобилуя мелкими деталями, начали заполнять все мое сознание, заставив мир вокруг померкнуть и исчезнуть.

Воспоминания начались с того, как сегодня утром я в одиночестве сидел в подобном кафе и пил зеленый чай в ожидании чьего-то визита. Я смотрел через стекло – но не с улицы, как сейчас, а изнутри заведения, – и увидел, как...

Глава 1

День первый /понедельник/ Забытое преступление

3 сентября 10:03

Тверь, кафе «Бобры и Утки»

...Желтое такси остановилось прямо напротив входа. Из машины вышел ссутулившийся лысоватый мужчина с морщинистым лицом сероватого оттенка. Он был одет в старый потертый коричневый плащ с приподнятым, несмотря на теплую погоду, воротом и костюм-тройку. Вся его одежда выглядела слегка помятой, словно он ложился спать, не снимая ее.

Приехавший опирался рукой на трость с резной рукояткой из слоновой кости, будто не доверял своим ногам или просто был очень слаб. Мужчина закашлялся, подтверждая догадку о его плохом самочувствии, а когда протер после этого рот салфеткой, на ней остался пугающий красно-коричневый след.

Такси отъехало, и он жадно втянул носом сырой и прохладный после ночного дождя воздух, словно пытался вобрать в себя все запахи города. Похоже, что вместе с легкими ароматами свежей выпечки, исходящей от кафе, мужчина уловил что-то еще. По его задумчивому виду я предположил, что, возможно, он чувствовал то же, что и я: запах надвигающихся перемен.

Его появление для меня означало только одно: пришло время, которое я ждал уже достаточно давно. Он был Предвестником и подтверждением того, что все, что я делал, было не напрасно. Это и радовало, и пугало одновременно, ведь из записей в тетради, найденной в вещах отца, я знал: для меня и всех вокруг пришло время серьезных испытаний.

Мужчина, проводив прохожего безразличным взглядом мутных, как при глаукоме, глаз, не спеша вошел внутрь кафе. Он взял себе на раздаче чашечку эспрессо и присел за столик в дальнем углу зала, украдкой посматривая то в сторону входа, то на меня. Казалось, он знал, что ко мне сейчас придут.

Мой гость, а точнее гостья, не заставила себя ждать. Ею оказалась длинноногая стройная девушка с огненно-красным каре, одетая в яркое, под цвет волос, атласное платье и туфли на тонком, как спица, высоком металлическом каблуке. Светлана выглядела, как фотомодель с обложки дорогого глянцевого журнала, что было явно не к месту и не сочеталось с интерьером забегаловки «Бобры и Утки», где я ее ожидал.

Бросив беглый взгляд на свое отражение в окне, я ясно увидел, что, мягко выражаясь, не соответствую девушке своим внешним видом. Дело было не в самооценке – я правда плохо выглядел: взлохмаченные ветром волосы, небрежно выбритые, чуть ли не выщипанные усы и уродливая борода. Одет я был тоже не как денди лондонский. На мне был нелепый синий в серую клетку пиджак, который к тому же был мне изрядно велик в плечах. Под ним – растянутый зеленый свитер с парой торчащих выдернутых ниток и смачным жирным пятном в районе живота. Да и мои штаны тоже были не первой свежести: странные, коричневые в белую полоску брюки, слегка помятые, с оттянутыми коленками и двойными неправильно выглаженными стрелками. Мой далекий от совершенства образ довершали сбитые на носгах серые ботинки с сильно стесанными с боков каблуками. Они были пыльными, местами со следами присохшей грязи, и это при том, что на улице было уже почти сухо.

Девушка, не замечая моего неприглядного вида, взяла себе немного еды с раздачи и под села ко мне. Она поставила на стол фруктовый десерт, украшенный аппетитной клубничкой на горке из взбитого крема, и небольшую чашечку фруктового чая. Неспешно поме-

шивая ложечкой свой напиток, она одарила меня приятными ароматами, исходившими, как от ее чая, так и от нее самой.

Пожилой мужчина с нездоровым цветом лица пристально смотрел в нашу сторону, словно пытаясь понять, о чем мы говорим. Как мне показалось, на мою спутницу он глядел с явной неприязнью.

Он поднял чашку с кофе и поднес к губам, но даже не удосужился ее наклонить, из чего стало понятно, что кофе он пить не собирался.

Девушка заговорила, и в ее голосе я услышал легкие нотки извинения.

– Сладкий, ну не умею я одеваться по-другому. Пусть думают что хотят, мы же все равно скоро валим из этой дыры.

– Спасибо, что не на своем «феррари» подъехала, – услышал я собственный ответ, возникший из небытия возрождающихся воспоминаний.

Дверь в кафе приоткрылась, и я на мгновение отвлекся от беседы с гостьей, посмотрев на новых посетителей. Ими оказались двое мужчин со слегка настороженным взглядом и следами бессонницы на лице. Один был невысокого роста, плотного сложения, лет пятидесяти на вид. Его лицо можно было бы назвать добрым, если бы глаза не выдавали, что все его добродушие – не более чем маска. Второй выглядел чуть моложе сорока, высокий, спортивного сложения, со стрижкой под площадку. На его лице играла самоуверенная улыбка, как у человека, которого жизнь еще не поставила на место.

Я еще по дороге видел этих людей: они сидели в машине неподалеку от кафе и курили, словно ожидая чего-то. И вот сейчас, наконец, решились зайти внутрь.

Новые посетители набрали себе еды, причем с явным избытком, как будто это был для них не завтрак, а обед. Они буквально заставили свои подносы, взяв по два стакана томатного сока, по паре салатов, по чашке кофе и стопке блинов, и с довольным видом пошли выбирать место в практически пустом зале.

Определившись, мужчины сели в кабинку с кожаными диванами, откуда хорошо просматривался весь зал, а их самих почти не было видно. По крайней мере, они так думали.

Некоторое время эти посетители кафе беседовали, периодически посматривая в нашу сторону и, видимо, обсуждая, что моя спутница во мне нашла. Причем тот, что был моложе, все время возмущался, а пожилой напарник над ним посмеивался.

Из записей в моем дневнике я знал, что молодого звали Тимофей, а того, что постарше, – Игорь. Они же пока и понятия не имели о моей роли во всем происходящем, поэтому опасности для меня не представляли.

Тимофей достал мобильник и позвонил, вероятно, кому-то из начальства, так как, разговаривая, он все время кивал, а затем, отставив еду, к которой даже не притронулся, встал из-за стола.

Игорь, продолжая жадно жевать блин с красной икрой, зло на него посмотрел и сказал что-то резкое. Тимофей лишь безразлично пожал плечами, однако, выходя из-за стола, чуть нагнулся к напарнику и что-то прошептал с довольной улыбкой на лице.

Впрочем, я предполагал, о чем шла речь. Похоже, они вышли на одного из моих людей, ошибочно считая, что это решит все их проблемы.

Игорь, не вынимая блина изо рта, выслушал напарника и, отмахнувшись от него рукой, начал нетерпеливо пить кофе.

Тимофей вздохнул, словно почувствовал себя виноватым в том, что не дал спутнику спокойно поесть, и не спеша направился к выходу.

Его напарник торопливо доел блин, ковырнул пару раз вилкой салат и залпом допил кофе. После этого, вытерев рот и ладони салфеткой и дождавшись, пока официантка упакует оставшуюся еду, он вышел вслед за товарищем на улицу.

После их ухода я возобновил разговор с девушкой.

– Как видишь, предчувствия меня не обманули. Копы у нас висят буквально на хвосте.
– Думаешь, те двое из полиции?
– Абсолютно в этом уверен... Надеюсь, ты заказала деньги в банке?
– Конечно, милый. Сразу, как ты мне об этом сказал, – пару дней назад.
– Это хорошо... Тогда, как мы и планировали, сегодня в полдень снимешь остатки со счета «Финанс Профи Групп». Я пока схожу в головной офис, выполню в последний раз свою работу и прослежу, чтобы Шустрого случайно не замели, хоть я и уверен, что с ним все будет в порядке. Как все закончишь, встретимся, где договорились, и будем сваливать отсюда.

– Мне бы хоть грамм твоей уверенности, а то я вся на нервах, – вздохнула девушка.

Вытерев губы фирменной салфеткой кафе, на которой красовался слоган заведения «Бобры не спят с Утками», я встал из-за стола.

– Странно, а по тебе и не скажешь, что ты нервничаешь, – ответил я и, похлопав девушку по плечу, пошел к выходу.

– Целую тебя, зайка, – прошептала мне вслед Светлана.

Даже не обернувшись, я махнул ей рукой и, покинув кафе, не спеша пошел прочь, каким-то шестым чувством ощущая на себе пронизывающие взгляды и девушки, и серолицего незнакомца.

Однако они вызвали у меня лишь улыбку. Эти думали, что все обо мне знают, но знали бы они то, что знаю о них я...

3 сентября 10:32

Тверь, площадь Ленина

Центральный офис ПИФ «Финанс Профи Групп»

Офис Управляющей компании паевого инвестиционного фонда «Финанс Профи Групп», где я работал клинером (а точнее, числился уборщиком), располагался всего в двух кварталах от кафе. Поэтому дошел я до него достаточно быстро.

Несмотря на то, что снаружи здание выглядело непримечательной постройкой советских времен, внутри оно отличалось оригинальной планировкой и высококласной отделкой. Это был сложный комплекс помещений, в каждом из которых непрерывно кипела работа. Бесконечная череда кабинетов, конференц-залы, залы для приемов и совещаний, комнаты для переговоров, пресс-центры и даже свои рестораны, бары и зал для фитнеса.

Войдя внутрь и поднявшись по лестнице на административный этаж, я прошел широкими светлыми коридорами мимо просторных офисов управляющего аппарата компании.

Особенно шикарно смотрелся кабинет исполнительного директора компании Анатолия Скрутова. Собственно, это и была конечная точка моего путешествия. Войдя в приемную, которая пустовала ввиду того, что секретарша была в отъезде, я почувствовал себя хозяином положения и прильнул к двери кабинета, чтобы посмотреть сквозь замочную скважину на то, что происходило внутри.

За дверью находился сам исполнительный директор, который беседовал с посетителем. Анатолий выглядел не хуже президента солидного банка. Строгие правильные черты лица, хорошо уложенные с проседью на висках волосы, очки в золотой оправе и итальянский костюм ручной работы. Судя по сдержанной мимике и отсутствию морщин на лице, он регулярно вкалывал себе ботокс.

Что же касается гостя, тот выглядел не лучше посыльного, но при этом держался вполне уверенно. Более того, говорил он с хозяином кабинета таким тоном, будто отчитывал нашкодившего мальчика, а не беседовал с одним из руководителей солидного учреждения.

Именно из-за этого гостя исполнительный директор и не позволил мне делать уборку в кабинете. Однако я с легкостью компенсировал это тем, что остался подслушивать разговор у

двери. Впрочем, худощавый посетитель ругался так громко, что можно было уловить каждое слово и из коридора.

– Толя, я разочарован... Ладно я – но генеральный просто в бешенстве. Сроки упущены, график не выполняется! – Гость достал из дешевой спортивной сумки пачку помятых бумаг и швырнул ее на стол перед исполнительным директором.

Анатолий поправил золотую оправу очков и, аккуратно подровняв расплывшуюся стопку документов, отодвинул ее обратно в сторону гостя, после чего заговорил тоном учителя, разъясняющего простой материал бестолковому ученику.

– Сроки, как я уже говорил, нереальны. Более того, я абсолютно против такого плана развития, он губителен для компании в целом и может повлечь за собой критическое ухудшение сервиса. Кроме того, еще большее повышение процентов по выплатам агентам при снижении уровня андеррайтинга не только экономически не оправданно, но и попросту смахивает на аферу. Это я вам и без детального анализа скажу.

Гость тихо выругался себе под нос и задумчиво сгреб все бумаги обратно в сумку.

– Анатолий, поверьте, мы глубоко ценим то, как вы ответственно относитесь к делу. Особенно шеф благодарен за открытие нашего отделения в Цюрихе. Интернет-сервис тоже заслуживает похвалы за охват пользователей почти из всех стран. Однако есть вещи, которые мы просим не обдумывать, а реализовывать. Это позиция генерального, а если он о чем-то говорит, то уж, наверное, изучил экономическую сторону вопроса.

Исполнительный директор наклонился к гостю и, глядя ему в глаза, медленно, по буквам, произнес:

– Дмитрий Викторович, пусть генеральный директор, мнение которого вы представляете, наконец, приедет из Брюсселя и меня лично в этом убедит. Или пусть меня уволит, но в этом случае свое несогласие с его маркетинговым планом я выскажу в органах, занимающихся экономическими преступлениями.

Посетитель нервно заерзал на стуле.

– Вы меня, Анатолий, подводите, очень подводите. Ведь это я вас рекомендовал шефу, и теперь мне за вас перед ним отдуваться.

– Это я переживу. Так когда же я увижу генерального? Или, может, мне уже сейчас стоит сделать пару звонков в правоохранительные органы? – Скрутов демонстративно протянул руку к телефону.

Гость обиженно и немного испуганно вскочил из-за стола.

– До обеда генеральный на встрече, и я не смогу с ним связаться. Его ответ вы услышите в районе часа дня. Устроит?

– Да, но до вечера я ждать не буду, – согласился исполнительный директор.

Сухо пожав на прощание руку Анатолию, посетитель быстро вышел из кабинета.

Увидев меня подслушивающим за дверью, гость Скрутова ничего мне не сказал, а только подмигнул, как старому знакомому, и пошел дальше.

Исполнительный директор выждал пару минут после ухода своего посетителя и позвонил по телефону:

– День добрый, Анатолий Михайлович. Посредник только что ушел. Выглядел напряженно и, похоже, способен на необдуманные шаги.

После немногословного телефонного разговора, Скрутов достал из ящика папку с входящими документами и вернулся к своим рабочим делам, как будто ничего не произошло.

Что касается меня, то я последовал к выходу за уходящим гостем.

Проходя мимо раскрытых дверей кабинетов, я видел, как сотрудники деловито ходили мимо столов. Начальники отчитывали подчиненных, а те в свою очередь суетливо исполняли указания. Непрерывно раздавались звонки, шли встречи с клиентами. Кто-то копировал

документы на ксероксе, кто-то принимал факс. Большинство сотрудников строчили отчеты, не отрываясь от мониторов своих компьютеров.

В отличие от них я знал, что все это уже было бессмысленно. Шоу завершалось.

Посмотрев в окно, я увидел, что у здания Посредника уже поджидали. Знакомую серебристую десятку – ту, что стояла сегодня утром у кафе, – я узнал с первого взгляда. Сами служители закона курили в машине и периодически посматривали в сторону здания.

Посетитель Скрутова вышел из офиса с озадаченным видом, на удивление быстро к нему подъехало такси. За рулем автомобиля сидел крепко сложенный, но слегка полноватый, бритый наголо парень. На его самодовольно улыбающемся лице красовалась реденькая рыжая бородка, которая, видимо, служила для маскировки уже намечающегося второго подборodka.

Посредник сел в машину на кресло рядом с водителем и закрыл за собой дверь. Шофер посмотрел в зеркало заднего вида на стоящую позади машину и ухмыльнулся. Вдоволь налюбовавшись на автомобиль своих преследователей, он повернулся к пассажиру, чтобы перебраться с ним парой фраз. По-видимому, они обсудили слежку и возникшие со Скрутовым проблемы, а может, заодно поговорили и обо мне.

Как бы то ни было, такси вскоре отъехало от здания, и прежде чем следственная группа двинулась следом, желтая машина резко набрала скорость и, проскочив двойную сплошную, затерялась в потоке транспорта.

Больше смотреть было не на что, я вернулся в офис и, наконец, убрался в кабинете исполнительного директора и нескольких соседних помещениях, после чего с чистой совестью отправился обедать.

Наверное, если бы за мной лучше следили, то не оставили без внимания тот факт, что есть я пошел в итальянскую пиццерию «Мама Миа» напротив здания центрального отделения Сбербанка в Твери, где, по странному совпадению, главный бухгалтер «Финанс Профи Групп» должна была снять почти всю оставшуюся на счетах компании наличность. Однако, судя по отсутствию явной слежки, я никому особо нужен не был. Меня это, разумеется, не сильно расстраивало, и я спокойно поедал за столиком у окна фирменное прохладное ризотто с белыми грибами, запивая его бокалом Ривьеры.

Через некоторое время я увидел в окно пиццерии, как, сделав почти спортивное торможение, то же самое такси, что недавно отвозило Посредника, остановилось у входа в офис Сбербанка. Из него вышла Светлана и деловой, немного резкой походкой направилась в здание.

Водитель машины тоже не сменился. Он вальяжно раскурил сигару и сразу закашлялся. Когда приступ кашля прошел, парень осмотрелся по сторонам. Его внимание привлекли двое мужчин, беседовавших неподалеку. Но вскоре они попрощались друг с другом и разошлись в разные стороны. После этого шофер немного расслабился и откинулся в кресле, включив музыку.

Я знал этого парня довольно хорошо и, даже находясь на значительном расстоянии, мог уверенно сказать, что сейчас его магнитола пела голосом Мистера Кредо: «Если что-нибудь случится, нам поможет заграница, будем жить на Брайтон-бич, баксы тратить на...»

Некоторое время спустя, когда я уже заканчивал свой обед, из банка вышла Светлана. Она затащила сумку с деньгами на заднее сиденье такси, а сама села впереди.

Такси отъехало и вновь начало демонстрировать стремительные маневры обгона. Прокочив перекресток на красный сигнал светофора и буквально в сантиметре обойдя летящую маршрутку, машина скрылась из виду.

Вскоре зазвонил мой сотовый. Я увидел на экране надпись «КАБАН», но вместо того чтобы ответить, вынул из телефона сим-карту и, сломав ее, заменил на запасную.

Расплатившись, я не спеша покинул пиццерию. Мне предстояло еще раз заглянуть на работу, чтобы узнать, как все сложится у Шустрого, которого копы вполне логично прозвали Посредником.

3 сентября 12:55

Тверь, площадь Ленина

Центральный офис ПИФ «Финанс Профи Групп»

Подслушивание и подглядывание уже давно стали моим стилем жизни. Сегодня к тому же мне в этом никто не мешал. Секретаршу Скрутова по указанию генерального директора срочно командировали в Москву на курсы повышения квалификации. Поэтому я снова абсолютно безнаказанно стоял под дверью исполнительного директора, вникая, чем закончатся его переговоры с посредником.

Тихо пискнул мой телефон – это пришло сообщение по электронной почте от Светланы: «Деньги у нас. Кабан пытается меня убить своими маневрами и уже предложил сбежать с ним и всеми деньгами на море, в Сочи. Конечно, я сразу на все согласилась. И на море, и на пальмы, и на крест ему на кладбище, на котором напишут: “С любовью от Призрака”. Так что все ОК. От хвоста пока не избавились. Но если не разобьемся, то встретимся в условленном месте. Целую, вся твоя Светлана».

Стерев сообщение, я убрал сотовый в карман и вернулся к подглядыванию. Шустрый уже сидел в кабинете Скрутова, нервно теребя в руках свой сотовый телефон.

– Анатолий Владимирович, ваше воззвание генеральным было услышано. Он готов встретиться с вами в Брюсселе на следующей неделе, в пятницу.

– Даже так? – исполнительный директор несколько озадачился.

– Это официальная командировка. Вот приказ генерального, можете идти оформляться в бухгалтерию, – Шустрый протянул Скрутову изрядно помятый приказ, распечатанный на факсе.

Неожиданно мне пришла эсэмэска с номера, записанного в телефоне как «ОХРАНА»: «Маски-шоу на пороге».

Конечно, я предполагал, что это должно случиться, но меня все равно бросило в нервную дрожь. Как можно быстрее приведя себя в чувство парой глубоких вдохов, я подошел к столу секретарши и набрал номер Шустрого на ее телефоне.

Гость Скрутова нажал кнопку ответа на телефонной гарнитуре, вставленной в ухо.

– Да-да. Слушаю вас, – послышался дружелюбный, беззаботный голос Посредника.

– Облава началась. Забирай все деньги из сейфа и быстро сваливай.

– Понял, – ответил Шустрый чуть сдавленным голосом.

Пренебрегая собственной безопасностью, я вернулся к двери и продолжил следить в замочную скважину за тем, как будут дальше развиваться события.

Посредник резко вскочил с кресла и немного неуверенно выхватил из-под полы пиджака небольшой пистолет.

– Все, Толя, ситуация изменилась, быстро гони ключи от сейфа.

Скрутов буквально остолбенел и даже побледнел от страха и неожиданности.

– Толик, я ведь не шучу. У меня нет времени на всякую демагогию с тобой.

Шустрый вынул из кармана глушитель и демонстративно приладил к пистолету. Скрутов посмотрел на направленный на него ствол, решив не испытывать судьбу, вынул из кармана ключи от сейфа и бросил на стол.

Посредник их поднял и, держа исполнительного директора на прицеле, обошел его сбоку, а затем попятился спиной в подсобку кабинета.

Прежде чем исчезнуть за дверью, Шустрый пристально и строго посмотрел на Скрутова:

– А не ты ли, мил человек, нас сдал, а? – потом зло погрозил ему кулаком и ушел, закрыв за собой дверь подсобки на замок.

В этот момент я услышал, как в коридоре стремительно нарастает подозрительное оживление. Пospешив выйти из приемной, я быстрым шагом пошел пылесосить на другой этаж, кляня себя за то, что так задержался.

Буквально через пару минут, уже практически из другого конца коридора я увидел, как в кабинет Скрутова вломились спецназовцы. Самого Скрутова, закованного в наручники, несмотря на его протесты и выкрики в стиле: «Я же свой, посредник – в подсобке», вывели сначала в коридор, а затем потащили к выходу. По дороге его пару раз пнули в живот коленом, чтобы сильно не дергался и не возмущался.

Дальше наблюдать происходящее я не смог. Один из спецназовцев подошел ко мне и, небрежно сдвинув армейским ботинком мой пылесос, потребовал, чтобы я убирался прочь. Глядя на меня сверху вниз, он пояснил, что «здесь не цирк» и что «если я не хочу в кутузку, то должен удалиться с этажа со скоростью света».

Спорить я не стал, и к тому же вскоре услышал все, что хотел. Один из спецназовцев неподалеку отпартовал мужчине в штатском, в котором я признал того же человека, что прибыл сегодня к моей больнице в сопровождении ОМОНа:

– Анатолий Михайлович, двери подсобки взломали, сейф пуст, в помещении никого нет, окна закрыты, но мы нашли скрытый лаз, не внесенный в план здания. Этот проход идет в подвал. Преследование Посредника уже ведется.

Мужчина в штатском достал из внутреннего кармана пиджака небольшую рацию.

– Внимание всем постам. Посредник бежал, никого не выпускать из оцепления, проверить теплотрассу и иные возможные пути отступления.

Не желая испытывать терпение омовца и дальше, я не спеша отправился пылесосить помещения другого этажа. Как только основной наплыв стражей порядка схлынул и появилась возможность, предъявив паспорт, уйти из здания, я поспешил это сделать.

Направляясь по коридору к выходу, я обратил внимание на то, как за сравнительно короткое время все вокруг изменилось. Из делового офисного улья, где все было rispetабельно и солидно, «Финанс Профи Групп» стараниями спецназа превратилась в руины. Разбросанные по полу в кабинетах документы, открытые настежь пустые сейфы, перевернутая мебель и грязные следы армейских сапог повсюду. К счастью, мне здесь убираться больше не было необходимости. Мой последний рабочий день был окончен, и я с чувством выполненного долга отправился домой.

3 сентября 14:50

Тверь, квартира Семитомнова

Минут через пятнадцать после того, как я вернулся домой и аккуратно упаковал нужные мне вещи в спортивную сумку, в квартиру позвонили.

Вздвогнув от неожиданности, я быстро снял ботинки и в одних только носках тихо подкрался к входной двери. В глазок я увидел в коридоре все тех же двух сотрудников органов правопорядка, которых уже неоднократно лицезрел в течение дня.

Их прихода я, в общем-то, ожидал, но руки и ноги все равно похолодели и стали словно ватными, а желудок неприятно заныл. Инстинктивно я застыл от страха.

В голове суматошно закружились мысли о том, что, возможно, я все-таки где-то допустил ошибку и мое участие в афере раскрыто. Однако за дверями была только парочка законников, и это внушало слабую надежду на то, что дела не так уж и плохи. Видимо, меня искали лишь как друга главного бухгалтера «Финанс Профи Групп» – для дачи показаний.

Придя к этому заключению, я немного успокоился, хотя и не исключал худшего варианта: меня могли сдать собственные напарники.

Тихо отойдя от двери, я подал условный сигнал внутрь комнаты, пальцем указав на дверь, а затем быстро спрятался в спальне. Вместо меня к двери подъехал мужчина в инвалидной коляске и с недопитой бутылкой пива в руках.

Подкативший пьяным голосом начал неприветливо общаться с гостями за дверью.

– Убирайтесь к черту!

– Откройте! Это полиция!

– Умные какие! Покажите удостоверение! Многие тут ходят, полицией прикидываются...

Он приподнялся, опершись на руки, и посмотрел в глазок. Затем, недовольно вздохнув, открыл дверь. В квартиру вошли оперативники и поморщились от алкогольного смрада.

Я наблюдал за ними через щель приоткрытой двери спальни и одновременно осторожно искал рукой за стенкой шкафа приклеенный скотчем пистолет. Правда, к тому моменту, когда я его почти отцепил, неожиданно понял, что оружие мало чем поможет, убивать или ранить кого-либо я не замышлял. Меня же в данной ситуации могут подстрелить только за то, что увидят в руке оружие. Еще немного поразмыслив, я убрал руку из-за шкафа.

Полиция, не дожидаясь особого разрешения и не слишком церемонясь, прикрыла за собой дверь.

– Сергей Федорович, если не ошибаюсь? – спросил более молодой оперативник.

– Да я, а в чем дело-то?

– Мы можем поговорить с вашим сыном?

– А нету его... Этот олух, наверно, на работе, полы драит, могу дать адрес, – соврал, не моргнув глазом, мужчина в инвалидном кресле.

– Нам сообщили, что его там уже нет. Где он может быть еще?

– Может, с бабой своей где-нибудь ходит? Вчера я без еды, без пива сидел, а он до позднего вечера где-то лазил. Совсем обнаглел.

В дверь снова позвонили.

Тимофей прижал палец к губам, посмотрел в глазок и резко открыл дверь. Очередной посетитель моей квартиры, видимо, бросился бежать, потому как полицейский выхватил пистолет и крикнул ему вслед:

– Стой! Стрелять буду! Давай, лицом к стене!

Оперативник начал движение к гостю, но инвалид, которого полицейские считали моим отцом, неожиданно бодро встал с кресла и ударил со всей силы зазевавшегося напарника Тимофея бутылкой по голове. Послышался глухой звук с каким-то болезненным хрустом и звон бьющегося стекла. Пожилой полицейский пошатнулся и, потеряв сознание, рухнул без чувств.

Отреагировав на звуки борьбы позади себя, Тимофей резко развернулся и увидел, как «отец» стоит над распластавшимся телом его напарника с разбитой бутылкой в руках. Недобро прищурившись, оперативник навел на него пистолет.

– Брось бутылку, гнида! – зло прошипел Тимофей сквозь зубы. – Только дай мне повод – убью не раздумывая!

«Инвалид» послушно отпустил бутылку, и та упала на пол. Он оценивающе посмотрел на оперативника и начал медленно отступать к стоявшему у стены дивану.

В этот момент гость в коридоре, вероятно, совершил очередную попытку к бегству, и Тимофей перевел пистолет на него.

– Стоять! А ну, давай, внутрь заходи... Еще раз подобное устроишь, пулями нашпигую!

В квартиру послушно вошел водитель такси, хорошо знакомый мне под кличкой Кабан. Вид у него был испуганный, видимо, парень совсем не ожидал, что его здесь так встретят.

Тимофей бесцеремонно схватил водителя за грудки и припечатал к стене у выхода.

– Даже и не рыпайся, – прикрикнул опер на моего гостя, который и так дрожал как осенний лист.

Тем временем «отец» воспользовался моментом и ловко наклонившись к дивану, выхватил из-под него ружье. Однако удача от него отвернулась – Тимофей быстро среагировал и выстрелил из пистолета ему в грудь.

От звука выстрела я вздрогнул, представив во всей красе, как меня самого могли бы пристрелить, начни я угрожать оружием.

Мужчина пошатнулся, но попытался направить на оперативника охотничье ружье.

Выстрелить он, правда, так и не смог. Очередные несколько пуль, вылетевшие из пистолета Тимофея, его добились. Предсмертно захрипев, хозяин квартиры выронил ружье и, упав, навечно затих на полу у дивана.

В эту минуту Кабан, заметивший, что Тимофей от него отвлекся, сломя голову бросился вон из квартиры.

– Держись, Егорыч, я сейчас вернусь, – крикнул оперативник приоткрывшему глаза напарнику и побежал вслед за гостем.

Не снижая темпа преследования, Тимофей выхватил рацию.

– Говорит двенадцатый, веду преследование, нужно подкрепление, напарник тяжело ранен, требуется экстренная медицинская помощь.

Как только служитель закона скрылся из виду, я взял сумку с вещами и, осторожно обойдя лежавшего у дверей полицейского, вышел в коридор.

Вроде бы все шло, как и планировалось... Конечно, за исключением гибели хозяина квартиры, но сейчас я об этом не думал. Стараясь максимально контролировать свои эмоции и движения, я решительно двинулся по заранее намеченному маршруту. Пройдя по коридору к лестнице, я быстро поднялся на верхний этаж здания. Там я вынул из кармана объемную связку ключей, открыл замок решетки, прикрывающей дверцу на чердак, и вышел на крышу.

Оказавшись под открытым небом, я первым делом снова повесил замок обратно, с трудом протиснув руки между прутьями решетки. Потом для окончательной маскировки побега я прикрыл и дверцу, чуть прищемив при этом из-за спешки ноготь большого пальца.

«Ну как так?» – подумал я. Ведь знал, что прищемлю палец, помнил, что нужно быть аккуратнее, и все равно не избежал небольшой, но досадной травмы. Однако все это были, конечно, мелочи жизни.

Зачем-то облизав пораненный палец, с уже немного посиневшим ногтем, я продолжил свой побег.

Слегка пригибаясь, я осторожно дошел до края крыши и посмотрел вниз, чтобы узнать, где находится Тимофей, и не ждет ли меня засада.

Оперативника я увидел во дворе дома надевающим на Кабана наручники. Других представителей правопорядка я нигде не заметил.

Немного успокоившись, я спустился с другой стороны дома по старой ржавой пожарной лестнице в соседний двор. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов и посчитав про себя до десяти, чтобы прийти в себя окончательно, я не торопясь вышел на улицу. Там без особого труда слившись с прохожими, я немного удалился от злополучного дома и, поймав проезжавшее мимо такси, направился к железнодорожному вокзалу.

3 сентября 15:30

Тверь, салон красоты «Шоколад»

у железнодорожного вокзала

Оказавшись на месте, я первым делом пошел в туалет зала ожидания. Заплатив пожилой женщине, что сидела за стеклом при входе в уборную и с важным видом смотрела телевизор, вошел внутрь.

Тщательно побрившись, переодевшись и вынув из глаз цветные контактные линзы, я оставил прямо в кабинке все старые вещи вместе с сумкой. Затем, покинув вокзал и убедившись в отсутствии слежки, я отправился в салон красоты, что был через дорогу, чтобы завершить свое преобразование и сделать пару звонков.

Парикмахер, женоподобного вида парень, аккуратно, но чересчур коротко меня подстриг, хотя я просил лишь слегка подравнять волосы. Затем он немного осветлил мою шевелюру и сделал молодежную укладку.

Затем я перебрался в косметический кабинет, где мне сделали легкий пилинг, массаж лица и наложили несколько увлажняющих и питательных масок. За время этих косметических манипуляций я отдохнул на кушетке под расслабляющую музыку, вдыхая исходившие из аромалампы нежные запахи розмарина. После процедур я почувствовал себя гораздо лучше и заметил, что частично избавился от недавних страхов и напряжения.

Прежде чем покинуть салон, я развалился в уютном кожаном кресле с чашкой предложенного мне жасминового чая, достал сотовый и позвонил Светлане:

– Какие новости?

– Есть две плохих и одна хорошая. С какой начать, зайка?

– Без разницы.

– Начну с хорошей. У меня все нормально. Сейчас прячусь по дворам на своем «феррари». Деньги, что сняла в банке, все еще при мне.

– Это уже радует. А плохие новости?

– Контору нашу уже всю арестовали, и у квартиры, где ты обитал в последнее время, опера. Шустрик вместе с деньгами затерялся. По-моему, он пытается слинять без нас.

– Ну это не проблема. Помнишь, в прошлом году ему зуб выбили, когда он неудачно пошутил над питерской братвой?

– Говоришь про тех парней, с которыми ты фальшивыми долларами расплатился? Помню, конечно. Ты еще тогда Шустрика к своему зубному направил. И сам же за него заплатил, что, признаюсь, меня удивило.

– Ничего нет удивительного. У него теперь в зубе маячок. Так что никуда не денется.

– Надеюсь, мне ты маячок никуда не додумался вставить, доверчивый ты наш? Все-таки мы с тобой с детского дома вместе. Можно сказать, один горшок на двоих делили. – Не дождавшись моего ответа, Светлана продолжила: – Представляешь, этот дурак, Кабан, не смог до тебя дозволиться и поперся на квартиру. Я всячески пыталась его оста новить. Сказала, что ты законспирировался, но он мне, естественно, не поверил, и в результате его взяли прямо на моих глазах.

– Для меня это не новость... Конечно, это нехорошо, но, в принципе, Кабан не первый раз попадает, и еще ни разу никого не выдал. Он хоть и не блещет интеллектом, но вроде знает, что с властями идти на сделки наивно и бесперспективно...

– Как-то ты не очень уверен в своих словах, котик. Но это неважно. Его зарплата у нас, и я надеюсь, что он будет молчать, хотя бы ради денег.

Отхлебнув глоток чая, я продолжил:

– Ладно, подъезжай на место встречи. Встанешь напротив вокзала, а я заодно посмотрю – точно ли нет хвоста.

– Хорошо, родной мой. Ты, я полагаю, как всегда, с риском для жизни сидишь где-нибудь в уютном месте и пьешь чай?

– Но-но, попрошу без оскорблений. Когда приедешь?

– Через пятнадцать-двадцать минуток, пупсик.

Светлана отключилась. А через десять минут я поднялся из кресла и еще раз изучил свое отражение в большом зеркале на стене. Теперь я выглядел совсем по-другому: гладко

выбритый, аккуратно подстриженный, в обтягивающей спортивной майке и узких джинсах. Даже цвет глаз после удаления контактных линз был не карим, а серебристо-серым.

Сейчас отражение мне нравилось куда больше, чем утром. Настроение улучшилось, уверенность в собственных силах вернулась.

Почти все деньги компании «Финанс Профи Групп» уже давно были на подставных счетах в офшорах, но небольшой остаток завис у моих напарников.

С одной стороны, мне хотелось поскорее их забрать и покинуть это небезопасное место. С другой стороны, я хорошо помнил содержание дневника и спешить на вокзал не собирался. Но я должен был следовать выбранному пути, иначе будущее могло стать совершенно непредсказуемым.

Через оговоренное время на противоположной от салона стороне остановился ядовито-желтый «феррари» Светланы. Внимательно осмотревшись вокруг и не увидев хвоста, я перешел дорогу.

Едва сев в машину, я сразу получил сумку с наличными из банка. Пересчитав деньги с видом человека, который точно знает, сколько там должно лежать, я передал Светлане полмиллиона. Затем закрыл сумку с оставшимися деньгами и собрался выйти с нею из машины, но услышал возмущенный голос девушки:

– Ты что, меня бросаешь, зайка?

– Встретимся во Владивостоке, как условились, через две недели на съемной квартире. Адрес знаешь...

– Как скажешь, Призрак, – наигранно обиделась девушка и укатила куда-то прочь по серым улицам города.

Меня ее недовольство совершенно не тронуло, и, нагруженный тяжелой сумкой, я направился к вокзалу. Купив в кассе билет и подойдя к перрону, я присоединился к толпе ожидающих электричку до Москвы. Но сам я был в ожидании совсем другого события – того, что меня пугало, пусть даже я уже давно с ним смирился...

Повсюду с шумом суетились люди. Вероятно, из-за этого столпотворения я не сразу почувствовал, что кто-то подошел сзади, встал за спиной и пристально смотрел мне в затылок. Удивительно: столько лет я ожидал этого момента, а в самый последний миг оказался к нему не готов.

Наверное, я слишком отвлекся на молнию сумки, которая никак не застегивалась. «Светить» деньгами не хотелось, и я сосредоточенно дергал заклинивший бегунок.

Наконец, почувствовав взгляд, я обернулся и увидел человека с серым лицом и потускневшими глазами – того, что следил за мной в кафе.

На этот раз у него во рту была курительная трубка. Тонкие с синеватым оттенком потрескавшиеся губы сжимали ее, но дыма не было видно, словно старик держал ее не для того, чтобы курить, а по старой привычке.

Наши взгляды встретились, и я буквально ощутил холод его глаз. Он смотрел в упор и, кажется, догадался, что мне что-то известно. Легкая тень удивления пробежала по его болезненно-бледному лицу, чуть приподняв бровь. Однако он переборол свою минутную слабость и молниеносным движением толкнул меня в грудь костлявой ладонью.

Не удержавшись на ногах, утягиваемый с перрона тяжестью сумки, я рухнул прямо под подъезжающий локомотив.

– Пришло твое время... – услышал я откуда-то сверху голос человека, сбросившего меня, но сам он уже затерялся в толпе пассажиров.

Внезапно меня оглушил жуткий скрежет тормозов надвигающейся громадины электровоза. Мощнейший удар стальной машины, и я почувствовал, как меня буквально подминает под себя поезд, с жутким треском ломая кости и суставы.

Каждой клеточкой тела я ощутил нестерпимую боль. Небо надо мной начало затягиваться кровавой пеленой, и в этом красном мареве повсюду, словно бесчисленные снежинки, закружились в воздухе денежные банкноты. Их сюрреалистичный танец я смог наблюдать недолго.

«Боже, как больно», – подумал я, угасая.

Непроглядная мгла накрыла меня, и все вокруг померкло...

3 сентября 19:00

Где-то недалеко от больницы

Когда яркая волна воспоминаний отступила, я, наконец, вышел из ступора и задумался, куда мне теперь идти. К сожалению, знание причины моего попадания в больницу, собственной клички, а также того, что я не в ладах с законом, никак не объясняло многих жизненно важных вещей. Например, почему я был абсолютно здоров, хотя окончание моего виденья не предвещало ничего хорошего. Впрочем, возможно, поезд все же успел затормозить, и я отделался только небольшими повреждениями.

Но главное было не это. Я все еще не помнил своего настоящего имени и не знал, где живу. При мне не было ни украденных денег, ни документов, удостоверяющих личность. Я по-прежнему оставался Мистером Никто. Следовательно, был бездомным, к тому же имевшим проблемы с властями, а потому обращаться к ним за помощью не мог.

Выбора не было. Я решил отсидеться на вокзале до тех пор, пока не вспомню что-то еще или не придумаю, что делать дальше.

Постепенно некоторые вещи все-таки начинали становиться на свои места. Например, я, наконец, выяснил, где нахожусь. Судя по широким улицам и множеству народа у входа в метро станции «Таганская», к которой я вскоре вышел, это была Москва. Конечно, понимание того, где я оказался, не давало ответа на вопрос, каким образом я попал в столицу, но по крайней мере стало известно, где сейчас пребываю.

Некоторое время я простоял, прося милостыню у прохожих, но так и не преуспел в этом. В итоге обозлился и отобрал мелочь на поездку в метро у какого-то хлипкого паренька, стоявшего посреди улицы и игравшего на своем телефоне.

Немного подумав, я решил, что лучше ехать на станцию «Комсомольская», где вокзалов целых три – на выбор. Довольно быстро добравшись до места, я безо всякой веской причины направился к Ярославскому вокзалу.

Начинало темнеть.

Три красивых вокзала с отреставрированными барельефами и яркой подсветкой все еще поглощали непрекращающийся поток пассажиров, идущих от метро и подъезжающих на такси почти к самым дверям, несмотря на запрещающие остановку знаки.

3 сентября 19:52

Москва, Ярославский вокзал

Оказавшись в здании, я первым делом решил найти возможность перекусить, потому как от бесконечных переживаний и размышлений у меня разыгрался аппетит.

Найдя в вокзальном кафе кем-то надкусанный гамбургер, я, словно бомж, забыв о санитарии, бросился его доедать. Булочка оказалась суховата, а соус слишком кислый, но я все равно его съел.

У соседнего столика бородатый мужчина, брызгая слюной, жадно поглощал шаурму.

В забегаловку вошла молодая цыганка в дешевой черной куртке из кожзаменителя, потертой на манжетах, в традиционной цветастой длинной юбке и нелепых бусах. Один глаз у нее был карий, а другой – голубой, и я вспомнил, что это явление называется на языке медиков гетерохромией. Проигнорировав меня, хотя я стоял ближе к выходу, чем второй посетитель, девушка пошла к бородачу. Позвонив у него под носом мелочью в пластиковом стаканчике, она, слегка картавя, заговорила:

– Дай на хлебушек, красавец.

Бородатый посмотрел на молодую ромалку и ухмыльнулся.

– Да ты еще телом можешь зарабатывать, тунейдка, – сказал он и, схватив цыганку за шею, притянул к себе. – Так, может, поработаешь?

– Отстань от меня, – взвизгнула девушка, пытаясь вырваться из крепких рук мужчины.

Не чувствуя особенного расположения к цыганам, я все-таки решился вступить за девушку.

– Эй, не трогай ее! – прикрикнул я на посетителя с шаурмой.

– А то что? – зло посмотрел в мою сторону бородач.

Стервозного вида продавщица лет сорока, до этого безучастно наблюдавшая за происходящим, почуяла назревающий и вовсе не нужный ей конфликт и вступила в перепалку:

– Так, что за балаган! Сейчас полицию вызову!

Мужик отпустил девушку и, недовольно бросив остатки шаурмы на стол, пошел к выходу, напоследок крикнув продавщице:

– Дерьмовая у вас тут еда, да и вы все тоже дерьмо...

– Иди отсюда, хамло... – крикнула ему вслед продавщица, решившая оставить последнее слово за собой.

Цыганка, немного потеряв свою шею в том месте, где ее схватили, подошла ко мне.

– Спасибо, сердечный. Хочешь, погадаю на счастье?

– Нет, не надо. В такие штуки я не верю, да и ручку тебе позолотить мне нечем, – ответил я.

– А я тебе так погадаю, без денег.

– Ну погадай, – нехотя согласился я, только потому, что взять с меня сейчас и правда было нечего, поэтому подвоха ждать от гадалки не приходилось.

Она взяла мою ладонь в свою руку и, закрыв глаза, заговорила:

– Есть тьма в тебе и вокруг тебя. Прошлое туманно, но будущее предрешено. Много врагов у тебя. И есть друзья, что хуже врагов. Не желая, много зла совершишь. Встретишь любовь в недобрый час. Предан будешь. Взойдешь выше многих, но устоишь ли, не ясно...

Девушка ненадолго замолчала, а затем немного тише продолжила:

– Мертвые звезды... Все мертвое...

Цыганка вновь открыла глаза. В них я увидел искреннее удивление и неподдельный страх.

– Да, за такое гадание тебе много не заплатят, – усмехнулся я.

– Никогда такого не видела, – сказала, оправдываясь, цыганка.

Она боязливо отдернула руку и, пятясь, ушла прочь из кафе.

Покинув следом за ней забегаловку, я прошел в зал продажи билетов на поезда дальних рейсов. Без паспорта и билета зал ожидания был для меня недоступной роскошью, поэтому, прислонившись к стене напротив кассы и не зная, что делать дальше, я стал развлекать себя просмотром телевизора, что висел рядом со мной.

В мыслях царил полный хаос. От попыток вспомнить что-то еще или принять хоть какое-то решение о дальнейших действиях в голове начинались болезненные спазмы.

Куда проще было просто смотреть на экран, впитывая информационный мусор, и ни о чем не думать. Этим я и занял себя на неопределенное время, отложив все раздумья.

По телевизору показывали новости. Они были обычной грязью, собранной по всему миру, чтобы поугагать обывателей и отвлечь их от реальных проблем и низкого уровня жизни.

Небольшое землетрясение в Армении с эпицентром у горы Арарат – есть жертвы и разрушения. Теракт в американском супермаркете – раненые, убитые. Очередные беспорядки во Франции – недовольные указом об образовании студенты бьют витрины и жгут машины. Пожары в ряде африканских стран лишили их большей части урожая, и благородные бур-

жуи шлют им гуманитарную помощь, правда, одновременно увеличивают и без того огромный внутренний долг этих стран и размещают в них дополнительные контингенты своих армий. Президенты в США меняются, но позиция тихого захвата остается неизменной. Но и в самих США было не все хорошо. Очередной бунт афроамериканцев в связи с массовым расстрелом подростковых банд в Чикаго во время спецоперации перерос в беспорядки в самом Вашингтоне. А в Нью-Йорке с Эмпайр-стейт-билдинг тринадцать человек спрыгнули с крыши и разбились насмерть.

Криминальные новости Москвы поведали о пяти трупах с многочисленными колотыми ранами, найденных в районе Нагатино-Садовники. Подозреваемые в этом деле уже есть, так как в офисе напротив работала камера внешнего наблюдения и все зафиксировала. В другом районе того же Южного округа Москвы, под названием Даниловский, был найден труп девушки восемнадцати лет, завернутый в ковер, со следами удушения.

В общем, ничего хорошего и вдохновляющего я не услышал.

Однако была новость, которая явно выбивалась из серой однотонности остальных. По данным, полученным НАСА с помощью телескопа «Кентавр», большая группа звезд, находящаяся на расстоянии нескольких тысяч световых лет от нас, просто перестала существовать. Что за трагедия разыгралась в космических далах тысячелетия назад, было неизвестно. Но этот глобальный катаклизм просто стер из Вселенной несколько звездных систем. Пока никаких научных объяснений этого явления найти не смогли, но отметили, что на столкновение галактик или черные дыры это не похоже, так как звезды были удалены друг от друга на сотни и даже тысячи световых лет. Единственное, что сообщили ученые по данному факту, – это то, что, возможно, электромагнитное эхо или иные последствия данного феномена воздействуют на нашу планету в ближайшее время. Причем некоторые изменения уже зафиксированы, в частности, повышенная активность на Солнце, электромагнитное эхо в диапазоне от 100 до 550 МГц и шедший всю неделю обильный, хоть и мелкий метеоритный дождь. Большая часть метеоритов сгорела в атмосфере, лишь некоторые достигли Земли. К счастью, в связи с их малыми размерами и падением в ненаселенных районах, нанесенный ими вред оказался ничтожным.

Новости сменила реклама. Полезные йогурты, удобные тампоны, комфортабельные автомобили...

Рекламщики явно постарались, рассказав о многочисленных опциях нового «мерседеса», которые пригодятся во время автомобильной погони, превратившейся, с их подачи, в комфортное семейное путешествие.

После просмотра ролика мне тоже захотелось сесть за руль подобной машины, и в тот же миг я отчетливо вспомнил, что у меня уже есть новенький «Мерседес-Бенц» GL-класса, черный, матовый, с кожаным салоном и красивым номером «М777ОИ». Затем в памяти мелькнуло, что оставлена машина недалеко от этого вокзала. Более того, я вспомнил, что в ней спрятаны и документы, удостоверяющие мою реальную личность.

Кажется, не зря я приехал именно на Ярославский вокзал. Безотчетное чувство подсказало мне дорогу сюда. Радуюсь воспоминаниям, я поспешил найти свою машину.

Минут через пять, миновав здание универмага «Московский», я свернул во дворы и там обнаружил автомобиль. Электронный ключ был спрятан под капотом. Видимо, я не хотел, чтобы меня взяли в Твери с этим ключом, так как мои реальные документы находились под ковриком водительского сиденья в машине. Батарейка от ключа была приклеена к нему скотчем. Немного помучившись, я вставил ее в брелок и открыл дверь.

Оказавшись в салоне, я поспешил проверить тайник, в котором обнаружил свой паспорт, права и другие документы с собственной фотографией на имя Александра Алексеевича Быстрова, прописанного по адресу: город Владимир, улица Вербная, дом четыре. Там же лежали брелок от автоматических ворот и четыре пятитысячных купюры.

Похоже, жизнь начинала налаживаться. Прошлый я оказался весьма предусмотрительным парнем, и, возможно, все со мной будет не так уж и плохо.

Включив бортовой навигатор, я произнес свой домашний адрес, который прочитал в паспорте: «Город Владимир, Вербная, четыре...»

Но в этот самый момент я обратил внимание на приклеенную на экран бумажку с другим адресом.

Решив проигнорировать записку, я все-таки повторил свой домашний адрес.

Навигатор послушно заговорил со мной приятным женским голосом: «Маршрут построен, через тридцать метров поверните направо...»

Пробок на дорогах не наблюдалось, единственную остановку я сделал на заправке, чтобы заполнить бак до отказа.

К заправке было пристроено кафе под названием «Пончики-помпончики», но игривые вандалы краской исправили слово «помпончики» на «тампончики».

Купив кофе и пару обсыпанных сахарной пудрой пончиков со сгущенкой, я на радостях от нормальной еды поспешил, исцарапал небо поджарками и обжег горячим кофе язык. Однако этот факт не испортил мне настроения, и уже скоро я несея по трассе, врубив музыку на полную громкость.

Жутко уставший, почти засыпающий за рулем, но довольный тем, что не придется спать на вокзале, я добрался до города. Там меня окончательно разморило. Встав у обочины и поспав минут пять рядом с вывеской «Добро пожаловать во Владимир», я собрался с силами и доехал до родной мне в прошлом улицы. Остановившись у дома номер четыре, я вышел из машины и осмотрелся.

Передо мной стоял каркас старого заколоченного дома, во дворе которого уже было начато строительство нового, но дальше котлована оно еще не пошло.

Мне пришла в голову мысль, что стоит все-таки поехать по адресу, указанному в записке. Сев обратно в машину, я отправился по новому маршруту и оказался на окраине города.

Остановился я рядом с домом, окруженным высоким кирпичным забором. Особняк сильно выделялся на фоне старых деревянных построек, уныло стоявших вдоль улицы. Но, видимо, выбирая место для строительства, я руководствовался не элитностью района, а какими-то иными соображениями.

Глава 2

День второй /вторник/ Возвращение домой

4 сентября 0:23

Владимир, особняк Александра Быстрова

Передо мной возвышался ухоженный трехэтажный особняк, с мансардой под черепичной крышей и декоративными башнями, делающими его похожим на один из Баварских замков. Судя по отделке, по подогнанному один к одному природному камню облицовки, деньги для строительства особой проблемой не были.

Желание обладать собственной маленькой крепостью, видимо, потребовало серьезных затрат у меня прошлого. Возможно, мне даже пришлось открыть цех по обработке камня, чтобы вид дома был столь впечатляющим.

Окна здания защищали мощные кованые решетки. Судя по тому, что света из окон видно не было, сейчас дом пуст. Впрочем, люди, на отсутствие которых я очень надеялся, могли и спать. То, что у меня в машине нашелся этот адрес, вовсе не означало, что дом был моим, хотя какое-то внутреннее чутье мне подсказывало, что это именно так.

Кроме того, меня тревожило и то, что моего напарника из воспоминаний в полиции могли расколоть, и сейчас меня здесь ждала засада.

Внимательно осмотревшись и ничего подозрительного не заметив, я решил рискнуть и войти внутрь. Все равно больше идти мне было некуда. А про это здание, рассудил я, могли и не знать, ведь прописан я был по другому адресу, а предусмотрительности у меня прошлого было, похоже, с избытком.

Нажав на брелок, открывающий ворота, я увидел, как те послушно отъехали, и во дворе автоматически зажегся свет. Зайдя во двор, я проследовал к дому и позвонил в дверной звонок. Потом еще раз, и еще один долгий раз.

Наверно, я глупо смотрелся. Приехал и трезвонил, вероятно, в собственный дом посреди ночи. К счастью, свидетелей моего визита не было, по крайней мере я их не заметил.

Замочная скважина у входной двери отсутствовала, но зато я увидел электронный глазок камеры видеонаблюдения и небольшой монитор.

Я посмотрел в камеру, и на мониторе появилось мое изображение. Два белых круга сфокусировались на моих зрачках, затем на их месте появилась надпись: «Добро пожаловать».

Дверь, глухо щелкнув замком, открылась. Когда я вошел внутрь, свет в прихожей включился автоматически, а дверь медленно закрылась за мной. Видимо, умный дом меня признал, и я с нескрываемым интересом пошел его осматривать.

Внутри особняк казался еще более просторным, чем выглядел снаружи. Меня весьма порадовал двухуровневый подвал с большим подсвечивающимся бассейном, финской сауной, хамамом, ароматическим душем и тренажерным залом. Там даже была комната с соляной пещерой на случай простуды, кабинка инфракрасного солярия и кровать для механического массажа.

Еще уровнем ниже в подвале я обнаружил роскошный зимний сад с автоматизированной системой полива и постоянно включенным освещением. Сад был разделен на несколько ландшафтных зон: скальную, прибрежную, пустынную и субтропическую. Каждая из них содержала определенный набор растений, названия которых мне сообщали педантично расставленные таблички.

В зоне скального ландшафта на фоне каменных глыб пухлой зеленой массой росли разнообразные кактусы, алоэ или литопсы – так называемые живые камни. Причем, живых камней было два вида, и они сильно отличались друг от друга. Литопс из-за плотно сомкнутых листьев и углубления между ними был похож на копытце. Конофитумы имели сросшиеся листья и невероятно походили на крупную гальку. Единственное, что выдавало в них принадлежность к растениям, – крохотные вмятинки наверху, из которых пробивались яркие цветы.

Рядом со скальным ландшафтом была территория пустыни, где на мелком белом песке росли агавы, цереусы и рипсалисы. Цвести они не спешили, а потому выглядели немного уныло.

Самым эффектным участком сада мне показалась субтропическая зона со всевозможными экзотическими папоротниками, пальмами и лианами. Здесь же цвела невероятно красивая орхидея.

В зоне прибрежного ландшафта, что обрамляла небольшой искусственный водоем с золотыми рыбками, плавающими между кувшинок и водяных лилий, росли плющи, традесканции, фикусы и монстеры. Кроме того, там было даже несколько плодоносящих апельсиновых деревьев и садовые бананы, усыпанные гроздьями небольших фруктов.

Пройдя эту зону, я уперся в бронированную дверь. Не было ни малейшего намека на то, как ее открыть без помощи взрывчатки или какой-то тайной кнопки. Недалеко от двери, на уровне глаз, находилось электронное табло, на котором велся обратный отсчет. Это вселило в меня некоторую надежду на то, что быстро меняющиеся цифры показывают время, оставшееся до открытия двери. До окончания отсчета оставалось десять дней, восемь часов, пятнадцать минут...

Похоже, у меня раньше было много секретов, и не все из них хотели мне открываться сразу.

Смирившись, я пнул дверь ногой и пошел вверх.

Дом пришелся мне по душе. Оказывается, моя жизнь до амнезии была весьма комфортной.

Немного погуляв по этажам, я порадовался роскошной мебели и всяким раритетам в виде старинных, скорее всего, безумно дорогих ваз и статуэток. Нашел отдельную комнату, смахивающую на музей, где хранилась обширная коллекция разнообразных камней и минералов. Там даже был отдельный стеллаж с небольшими обломками метеоритов, с подписями, где и когда те упали, а также указанием их состава.

После осмотра домашнего музея я зашел в спальню, в которой почти все пространство занимала кровать. Потолок и стены в комнате были зеркальными, с мягкой подсветкой по углам.

Заканчивая свое путешествие, я поднялся в мансарду. Судя по мебелировке, она служила мне прошлому кабинетом. Я пересек помещение и прошел на балкон, выходящий во двор. Там я нашел небольшой рубильник с надписью «дворовое освещение». После его включения мне открылся приятный вид на довольно уютный внутренний дворик.

Вполсилы горящие фонарики делали его немного таинственным и даже романтичным. Мой взгляд бегло окинул выложенные брусчаткой дорожки, подсвеченные со стороны бордюров, аккуратно постриженную газонную травку, красивую беседку напротив небольшого фонтана с мраморной статуей ангела и альпийские горки.

Словно маленький хищник, среагировавший на свет, по траве начал двигаться автоматический газонокосильщик, чем-то похожий на робот-пылесос, только немного большего размера.

Во дворе было много цветов. Особенно меня привлек вид розария в тысячи роз. Он тянулся от ручья, обрамляя подход к дому. Сам ручей тек от фонтана по украшенному гра-

вием бетонному желобу. Где-то в середине его пересекал небольшой деревянный мостик, отделанный резьбой в руническом стиле.

Забор, окружавший двор надежным каменным кольцом, был почти незаметен за скрывавшими его пихтами, на которые были наброшены гирлянды с разноцветными светодиодами. Лишь в редких местах среди ветвей торчали короткие, но острые металлические пики, способные до костей разрезать пальцы любого, кто попытается влезть на стену. Сверкавшие среди ветвей вечнозеленых деревьев огоньки делали все вокруг сказочным и почти новогодним. Наверное, в таком дворе мне было приятно временами прогуливаться, отдыхать с девушкой или просто прятаться от городской суеты.

Вдоволь налюбовавшись, я вернулся в дом.

Оказавшись снова в мансарде, я решил поискать хоть какие-нибудь записи, которые могли бы пролить свет на мое прошлое. Не зная, с чего начать, я осмотрелся вокруг.

В комнате было двенадцать книжных шкафов, набитых под завязку различной литературой. В основном это были книги по психологии, политике, экономике и пиару.

Между шкафами за стеклом находилась довольно большая доска достижений меня прошлого. На ней в рамках красовались мои фото с известными людьми, какие-то грамоты и дипломы. Помимо этого, на стенах в рамках висели вырезки из газет и журналов со статьями о моей активной общественной деятельности.

Видимо, я был весьма самовлюбленным человеком. Эта догадка подтверждалась еще и тем, что на одной из стен висел мой портрет в полный рост, а в углу на постаменте я увидел собственный бюст из мрамора.

Особенно странно смотрелся потолок в моем кабинете. Он был выполнен в виде карты мира, и на ней небольшими флажками были помечены сотни городов. К счастью, это не был маниакальный план захвата мира. Как подсказывала подпись под картой, я просто отмечал места, где удалось побывать.

Ночь была довольно душевной. Наверное, она завершала один из последних жарких дней сентября, который все никак не хотел отпускать лето.

Включив встроенный в стену музыкальный центр, я услышал что-то знакомое и умиротворяющее в стиле «эмбиент».

Возвращение домой после всего, что я пережил за этот единственный день, который помнил, несомненно, стоило бокала шампанского. Достав бутылочку «Кир Рояль» из бара-холодильника, заманчиво ломившегося от всевозможного дорогостоящего алкоголя, я наполнил бокал. Станным показалось то, что ни одна бутылка в баре не была вскрыта, словно я прежний только собирал коллекцию горячительных напитков, игнорируя их потребление. Или, возможно, сразу заменял открытую бутылку новой, поскольку мог себе это позволить и любил во всем идеальный порядок.

Рядом с баром стоял шкаф-хьюмидор из натурального дерева с прозрачной стеклянной дверцей, в котором на полочках были аккуратно уложены сигары. Решив себе ни в чем не отказывать, я взял одну из них. Раскурив сигару, я почувствовал легкий терпкий аромат и вкус шоколада.

Сев в огромное кожаное кресло, что стояло рядом с массивным рабочим столом из настоящего дуба, я начал изучать бумаги, пачками лежавшие на нем. Вдруг я увидел собственный ежедневник.

Его чтение за бокалом прохладного шампанского, в котором улавливался легкий оттенок черной смородины, оказалось весьма приятным и увлекательным занятием. В ежедневных делах прошлого себя я не нашел ни семейных рутинных хлопот, ни времени для хождения на работу. Однако, несмотря на это, график жизни у меня был весьма плотный.

Как ни странно, но в расписании не было времени на сон, вместо него я в полночь позволял себе прогулку к водопаду. Что это означало и где находился водопад, было неясно.

Возможно, раньше я обладал физиологической особенностью, отличавшей меня от нормальных людей и позволявшей не спать неделями. Кажется, такую хроническую бессоницу называют колеститом. Но, что бы там ни было раньше, сейчас мне спать хотелось. Пересиливая себя, я продолжил изучать записи.

Оказывается, я был абсолютным педантом. В моем расписании дня все было настолько детально описано, что даже значилось время для походов в туалет. Там были и такие мелочи, как количество движений щеткой при чистке зубов. Кстати, и сама схема движений зубной щеткой тоже прилагалась. Также были указаны названия зубной пасты, фирмы-изготовителя щетки и иные, на мой теперешний взгляд, лишние детали.

Впрочем, немного поразмыслив, я все же решил пару дней пожить по такому графику. Вдруг новому мне тоже что-то из этого придется по душе. Или, что важнее, жизнь в привычном русле как-то встряхнет мою дырявую память и даст возможность хоть частично вспомнить собственное прошлое.

Полистав еще немного свои записи, я обнаружил в них детально описанные жизненные планы с указанием сроков и ресурсов, необходимых для их исполнения. Большинство из этих пунктов были аккуратно вычеркнуты, должно быть, они уже были выполнены. К сожалению, все планы заканчивались моим отъездом в Тверь, как будто я прежний дальше жить не планировал.

В этом же ежедневнике я нашел перечень правил, что составил для себя. Что-то типа «не пить, не курить и людям не доверять», но только в более изящной форме и страниц на десять. Обнаружились и страницы, посвященные описанию моих жизненных ценностей, какие-то заумные мысли об устройстве мирового сообщества и многое другое. Во все это нужно было вникать, а в моем состоянии сил на это просто не было.

Тем не менее мне искренне хотелось все изучить в деталях. И я даже сделал над собой усилие, чтобы разобраться в собственных мировоззренческих концепциях, но отвлекся, едва в поле зрения попала прижатая чернильницей пачка бумаг. На самом верхнем листе было крупно написано: «САША! ПРОЧТИ! ЭТО СРОЧНО!!!»

Взяв бумаги, я отложил первый лист с воззванием в сторону и начал читать со второй страницы: «Если ты это читаешь, значит, ты потерял память после падения под поезд...»

После этих строк внутри меня все похолодело, но я продолжил чтение: «...Все, что здесь написано, очень важно для тебя. Здесь мой глубокий анализ дневника, который рассказывает о нашем с тобой будущем. И хотя он явно указывает на то, что мое сообщение тобой услышано не будет, я все-таки попытаюсь донести до тебя главное. В надежде, что судьбу все-таки можно изменить. Ты должен дочитать все до конца, не прерываясь! Слышишь меня?! Не вставай и не подливай себе шампанского, а сначала все дочитай до конца!!!»

Мой взгляд невольно упал на опустевший бокал. Удивительно, но, похоже, прежний я все детально предвидел. Знал, что я буду читать его записи и пить шампанское.

Происходящее было просто невероятным.

От переполнивших меня эмоций я действительно захотел выпить еще шампанского. Однако я был не настолько глуп, чтобы не пересилить свое желание.

Посмотрев в сторону бутылки, я усмехнулся: вот так, наверное, алкоголики дают себе зарок, а потом снова тянутся к заветному горлышку. К счастью, у меня вроде бы проблем с алкоголем не было. В этот момент я увидел стоявший у стены мольберт с почти законченной картиной на холсте. Это был портрет восхитительной девушки со светлыми золотистыми волосами. Немного задумавшись, кем бы она могла быть, я достал из кармана паспорт и полистал его.

Найдя лист со сведениями о семейном положении, я увидел штамп о разводе. Было не совсем ясно, хорошо это или плохо в моем нынешнем положении. И уж тем более не давало ответа на вопрос, кого я пытался изобразить на холсте.

Начав изучать свой паспорт, я решил посмотреть в нем еще одну важную страницу. И открыл я ее не зря: оказывается, у меня были дети. Дочь Майя девяти лет и семилетний сын Алексей.

«Вот тебе и раз, – сказал я вслух сам себе, – и когда я только все успел: и поучиться, и потомством обзавестись, и полмира обокрасть. Теперь мне еще и с собственными детьми, видимо, придется заново знакомиться».

Ладно, всему свое время. Будем разбираться во всем по порядку.

Вернув документ на место, я еще раз посмотрел на картину. Изображенная на ней девушка была не просто красива – она была прекрасна. Зачарованный ее совершенством, я невольно подошел к полотну. Девушка была изображена на фоне древних мегалитических руин, на камнях которых загадочно, вопреки законам физики, алым подсвечивались непонятные символы. Позади нее виднелся каскад величественных бурлящих водопадов.

Как-то машинально, не отдавая себе отчета в действиях, я взял стоявшую на расстоянии вытянутой руки бутылку и с удовольствием отпил из нее немного шампанского.

Никакой катастрофы не произошло. Записи не самовоспламенились. Не рухнул замертво и я сам, что говорило о том, что прошлый я, вероятно, просто перестраховывался.

Уже собираясь вернуться к записям, я обратил внимание на лежащую рядом с мольбертом толстую папку большого формата, предназначавшуюся для хранения рисунков акварелью – по крайней мере, так гласила надпись на ее обложке. Меня привлек рисунок, торчавший из нее наполовину.

Это был фрагмент надвигающейся армады поезда.

Заинтригованный вещим рисунком, я открыл папку. Внутри нее хранилось множество рисунков, выполненных рапидографом – особой капиллярной ручкой. Среди них обнаружилось немало изображений девушки с холста, скорее фантазийных, а не основанных на реальности. На одном мы с ней обнимались, паря в воздухе над объатым пламенем городом, на другом я нес ее на руках по руинам какого-то мегаполиса.

Были рисунки, на которых прекрасной незнакомки не было, в основном автопортреты. Видимо, мой нарциссизм в прошлом не знал никаких границ. Хотя, немного приглядевшись, я подумал, что просто для самовлюбленного парня они были несколько странными.

На одном изображении я стоял на крыше здания в развевающейся расстегнутой черной рубашке, словно собирался покончить с собой, бросившись вниз. На другом – лежал на обочине дороги, истекая кровью, а мою руку жадно грызла бродячая собака...

Достав следующий лист, я почувствовал, как по затылку пробежал легкий холодок. Здесь было изображено мое пробуждение на операционном столе в окружении мертвых врачей.

Разум окончательно отказывался что-либо понимать. Похоже, я действительно знал собственное будущее.

На меня как-то резко накатила усталость, и я решил отложить изучение предметов своего прошлого до следующего дня, тем более что обнаружил рядом с мольбертом еще двенадцать тетрадей, которые оказались моими дневниками.

В полудреме полистав их, я понял, что записывал день за днем все свои мысли о жизни и происходивших событиях, правда, только тех, что не были связаны с нарушением закона.

Когда же очередь дошла до папки со сведениями о расходах и доходах с названием «Малые ошибки приводят к тяжким последствиям», где обнаружились тщательно собранные и подклеенные чеки, отражавшие буквально все мои траты от похода в кафе до покупки салфеток, я решил прекратить чтение, поскольку начал подозревать в себе прошлом параноика.

Окончательно обессилев, но все еще находясь в эйфории от выпитого на голодный желудок шампанского, я вернулся к столу и, захватив записи с посланием мне настоящему от меня прошлого, вновь вышел на балкон.

Рубашка, что я взял у подростка, была мне мала, и я, наконец, ее расстегнул. В голове уже не было никаких мыслей. Возможно, именно поэтому я смог вновь расслышать тот же голос, что приказал мне проснуться в больнице. Казалось, что голос шел из самой ночи, от далеких звезд. Впрочем, что гораздо вероятнее, он звучал из глубин моего собственного подсознания.

«Время пришло... Твой путь расчищен...»

Как только прозвучали эти слова, сильный порыв ветра ударил в мой обнаженный торс, колыхнул шторы и сбросил со стола листы бумаги, содержавшие рассказ о чем-то невероятно важном для меня прошлого. В этот миг над городом, наверное, впервые за все время его существования, небо озарилось восхитительными яркими зелеными и красными всполохами, напоминавшими полярное сияние. Все огни города вдруг померкли, сделав звездное небо с полной луной еще прекраснее.

Найдя огарок свечи в подсвечнике, стоявшем на балконном столике, я его зажег и допил шампанское из бокала.

В голове сами собой сложились строки:

«В глазах – лишь отблеск от свечи,
хрусталь бокала иссыхает.
Души, мятущейся в ночи,
он тайну молча сохраняет.
Я выйду, встану под Луной,
где звезды Млечный Путь колышут.
Им улыбнусь, махну рукой,
как будто небеса услышат.
Что жизнь моя, и где ее предел?
Теперь я – только капля ночи...»

Глядя на таинственное сияние, я решил загадать желание. Сейчас мне хотелось не денег – их, похоже, у меня было в достатке. Нет, ничего материального я бы себе не пожелал. Но раз уж волею судьбы моя жизнь началась с чистого листа, я пожелал измениться: стать по-настоящему добрым человеком и совершить нечто благородное, возможно, то, ради чего я и был рожден. Ведь не зря мне дан второй шанс, несмотря на мое, судя по небольшим проблескам памяти, весьма порочное прошлое.

– Мир, я буду достойным... – сказал я легкому ветру, что нежно ласкал мои волосы.

Словно усмехнувшись, зашелестели деревья. Но я искренне верил собственным словам.

Любуясь разноцветными переливами на фоне звездного неба, я хотел принести в эту вселенную что-то действительно хорошее, вопреки предсказанию сумасшедшей цыганки.

Продолжая наслаждаться необычным явлением, я присел в плетеное кресло-качалку и решил все-таки дочитать столь важное послание из прошлого, от которого меня все время что-то отвлекало.

Закутавшись в лежавший рядом плед, я придвинул свечу поближе к себе и продолжил чтение, но незаметно для самого себя уснул.

Во сне меня посетило странное виденье.

Раскинув руки, словно крылья, я, медленно вращаясь, парил в открытом космосе.

Лишенный воздуха, я мучился от удушья. Тьма и холод разрывали меня на части, но я был не в силах ни умереть, ни изменить происходящее. Звезд вокруг было ничтожно мало. Небольшая россыпь далеких светил где-то справа, с десятков впереди, одна тускло-красная прямо над головой и жалкая горстка звезд слева, бывшая когда-то Млечным Путем. Мимо медленно проплывали мертвые планеты и обломки чего-то рукотворного... Ничего живого. Ничего, что могло бы хранить жизнь. Нигде – ни близко, ни далеко...

Один... Я был совсем один. Единственное живое существо во всей бесконечной Вселенной. Тоска комом подступала к горлу, но плакать я не мог, и от этого становилось еще хуже.

Однако мое первое ощущение оказалось ошибочным. В мире не осталось ни души, но в то же время я не был абсолютно одинок. Неожиданно всем своим существом я почувствовал присутствие Их.

Они приближались беззвучно и величественно. Невероятно огромные, практически неуязвимые и, кажется, всесильные. Собрались вместе, чтобы довершить свое дело. Надвигаясь со всех сторон, Они сближались. Семь. Как невообразимо много. Много настолько, что ужас сжал само мое сердце.

Наконец я разглядел одного из них. Это был гигант, превосходивший все мыслимое по размерам и устрашающему виду, – космический корабль, если можно так назвать невероятных размеров монолит, похожий на молот и прорезающий своим корпусом космос, затмевая все те немногие звезды, что еще остались.

Корабли шли на стыковку друг с другом, и я буквально каждой клеточкой ощущал вибрацию космических исполинов и то, как оживают внутри них механизмы, дремавшие немыслимое число лет. Неожиданно я понял, что конец всего уже близок...

Мой сон резко и без какого-либо перехода сменился...

В новом видении я стоял у окна, звездное небо поредело на треть. Кто-то позади меня зашел в комнату и сел в кресло. Повернувшись, я увидел человека в костюме с тростью в руке. Его лица я не разглядел, оно пряталось за туманной дымкой. Смог различить только глаза: тусклые, словно изъеденные катарактой, холодные и безжизненные, как у мертвеца. Гость молчал, но мне были слышны его мысли: «Это все ради тебя! Ради тебя все эти звезды, что мы погасили!»

Человек – если это вообще был человек – стал медленно растворяться во внезапно наполнившем комнату свете.

Слепящая вспышка поглотила все вокруг, и я проснулся.

4 сентября 7:45

Владимир, особняк Александра Быстрова

Яркий солнечный свет разбудил меня, и я посмотрел на часы, висевшие на стене балкона. Было почти восемь часов. Вспомнив о записях, что так и остались неп прочитанными из-за поглотившего меня сна, я взглянул на столик, стоявший рядом. К моему глубочайшему сожалению, вместо того что еще недавно было важным посланием, я увидел лишь растекшийся агарок свечи и следы развеянного ветром пепла.

«Вот дурак...» – сказал я вслух самому себе.

Однако самобичевание вряд ли могло вернуть прошлое назад. И через какое-то время я смирился с потерей, решив, что, видимо, как и было написано в этих бумагах, прочитать мне их было не суждено изначально. Все, что оставалось, – это продолжать жить, как и раньше, без каких-либо подсказок.

Правда, вчерашнего энтузиазма и готовности во всем следовать ежедневнику, который я вел до больницы, уже не было. Слишком уж там все было как-то интенсивно, напряженно. Полусонная вялость по-прежнему еще владела моим телом, не желая отпускать из своих крепких объятий.

«Ну с добрым утром, Саша, если это и вправду твое настоящее имя... Вот и началась новая жизнь... Надеюсь, Бог не осудит тебя за прежние прегрешения, ведь теперь ты вроде бы новый человек. И в твоих помыслах нет желания обманывать или еще как-то портить людям жизнь», – обратившись таким образом к самому себе, я сладко потянулся и встал с кресла.

Далее в моих планах был душ и кофе с парой круассанов, упаковка которых меня привлекла еще во время вчерашнего осмотра кухни. Ну а потом попробую влиться в собственную позабытую жизнь.

Сходив в ванную и вместо душа понежившись в джакузи с гидромассажем, я отправился на кухню, походившую на небольшой банкетный зал, оборудованный в стиле хай-тек.

Пространство помещения было довольно сложно спроектировано. Всевозможные трубы и кабели были выставлены напоказ. Мебель отличалась резкими формами и прямыми линиями, причем едва ли не каждый предмет имел алюминиевое обрамление. Все блестело металлом и стеклом, и только стены были из натурального дерева, покрытого темно-коричневым лаком.

В кухне было светло и уютно, во многом благодаря светильникам на подставках и кронштейнах, а также встроенных в секции стенных шкафов. Простые плафоны были выполнены из цветного матового стекла, благодаря которому освещение меняло свои оттенки в зависимости от его источника.

Присев на один из трех высоких стульев, что стояли у барной стойки, я приготовил в кофе-машине ароматный капучино. Вскрыв пакет с круассанами, я сразу же сунул один из них в рот и, наслаждаясь его клубничной начинкой, протяжно зевнул, отчего сразу же закашлялся, поперхнувшись крошками.

Немного придя в себя от кашля, я пощелкал пультом плазменной панели телевизора внушительной диагонали, что висел напротив меня на стене.

Информационный выпуск на бизнес-канале сообщал последние новости с орбиты. Говорилось о том, что один из космонавтов во время выхода в космос повредил скафандр и на данный момент состояние его здоровья неизвестно, так как с МКС по неизвестным причинам потеряна связь.

Наверное, в какой-то другой ситуации мне было бы интересно это послушать, но сейчас подобное сообщение вряд ли могло меня взволновать. Как, собственно, и вести о вооруженном конфликте в одном из соседних государств, где купленные на деньги Запада манифестанты пытались свергнуть законное правительство.

Далее СМИ поведали жуткие подробности о том, как в Альбукерке обнаружили останки ста пятидесяти кремированных студентов. В ходе разбирательства выяснилось, что все они были адептами одной из сект, борющейся за моральную чистоту в стране. В отличие от представителей других религиозных групп эти фанатики предпочитали молитве радикальные способы искоренения всего, на их взгляд, аморального. Они поджигали особняки и машины политиков, выискивали на них компромат и делали его достоянием публики. В какой-то момент ребята, видимо, слишком далеко зашли, и от них попросту избавились. Теперь полиция активно взялась за поиски виновных в этом ужасном инциденте.

Следующая новость была не такой кровавой, но я вмиг потерял аппетит и приблизился к экрану. Диктор сообщил: «...Вчера, посещая могилу своего мужа, вдова известного астрофизика Евгения Дмитриевича Шнека, чьи похороны прошли второго сентября, обнаружила, что та полностью разрушена в результате акта вандализма. Тело ученого исчезло, и теперь органы правопорядка ищут свидетелей, чтобы наказать виновных в столь недостойном поступке.

Кроме версии об умышленном разграблении могилы, судмедэкспертом, участвующим в изучении данного дела, было высказано предположение об ошибочно установленной смерти астрофизика.

В качестве подтверждения своей теории эксперт привел фотографии, сделанные на месте захоронения, на которых было отчетливо видно, что обшивка гроба изнутри была вся изорвана.

Исходя из этого, специалист предположил, что, возможно, ученого похоронили заживо – в состоянии летаргического сна».

На экране показали фото пропавшего из могилы, который оказался как две капли воды похож на человека с тростью, сбросившего меня под поезд.

«Нет, так не бывает, это просто совпадение», – сказал я себе и попытался как можно быстрее выбросить из головы увиденное.

Дальше пошли новости политики: какие-то скандальные отставки крупных государственных чинов, споры о вступлении в группу по формированию единого экономического мирового союза, но я, не дослушав их, переключился на музыкальный канал. Мне срочно нужно было отвлечься от того, что я не понимал и что меня до смерти пугало.

Чтобы немного успокоиться, я вновь взялся за свой ежедневник.

С легкостью сократив пунктов сорок из своего ежедневного графика, я наткнулся на графу «обучение». В ней рекомендовалось, в случае важной темы лично прийти на занятия в университет, где я, как выяснилось, учился на юридическом факультете.

В легком недоумении я посмотрел на себя в зеркало, потом в паспорт. Вроде для студента я был немного староват. Все-таки по документам уже тридцать три года, хоть я и выглядел несколько моложе. Особенно если челкой закрыть лоб и слишком широко не улыбаться, иначе появлялись мелкие морщинки и выдавали мой истинный возраст.

Полистав ежедневник дальше, я обнаружил раздел «Жизненные цели и задачи» и узнал, что это уже мое третье высшее образование. Мне даже стало приятно от осознания того, какой я, оказывается, умный и ответственный. Точнее, каким был раньше...

Немного поразмыслив, я решил сходить в университет, в котором числился до аварии.

Если я задумал стать полезным для общества, то образование, какое бы оно ни было по счету, лишним явно не будет. Хотя, если быть до конца честным с собой, имелась и другая причина, по которой я направлялся на свой факультет. Мне хотелось познакомиться со своими сокурсницами. А то все у меня вроде есть, а романтики нет.

Конечно, возможно, что у меня был любимый человек, например, та же Светлана. Впрочем, каких-либо чувств я к ней не испытывал. Более того, она чем-то мне даже была неприятна. Другое дело – девушка с картины, в которой чувствовалось нечто, наполнявшее желанием стремиться к ней и находиться рядом. Но она вполне могла быть просто моей фантазией... Скажем так: если бы я попытался изобразить девушку своей мечты, то нарисовал бы ее именно такой.

Покопавшись в хорошо оборудованной гардеробной, я нашел черный костюмчик и сорочку от Армани, которые, естественно, пришлось мне по размеру, а также пару итальянских туфель. Одевшись, я собрал еще и сумку со спортивной одеждой и плавками для бассейна, так как после занятий, согласно рекомендациям ежедневника, запланировал еще и посещение тренажерного зала. Взяв все необходимое, я направился к выходу.

Покинув свой уютный дом и сев за руль «мерседеса», я, довольный жизнью, поехал по навигатору в университет.

По пути следования я остановился у ларька с газетами, где купил несколько общероссийских изданий, чтобы бегло пробежаться по заголовкам. Меня сильно волновало, пишут ли там о моих тверских похождениях. Однако, как и на телевидении, пока все было тихо.

У меня немного отлегло от сердца, но на глаза попал некролог того самого ученого, который пугающе походил на моего неприятного знакомого с серым лицом.

В газете писали примерно следующее: «...В Москве на 65-м году жизни скоропостижно скончался выдающийся ученый астрофизик Евгений Дмитриевич Шнек. Он принадлежал к династии русских ученых... Доктор физико-математических наук, профессор, автор двенадцати книг, сотен научных статей, двенадцати изобретений и одного крупного открытия, корифей... Он внес неоценимый вклад в развитие российской науки...» Его продолжали хвалить и хвалить. В завершении добавили, что он всю свою жизнь посвятил науке и умер от обширного инфаркта в собственной лаборатории, изучая образцы обломков космических тел, упавших недавно на Землю в виде метеоритного дождя... В общем, мужик был просто молодец до самой смерти.

Внимательно посмотрев на фото, я постарался себя убедить в том, что это какой-то другой человек. Да и вообще, мало ли что могло исказиться в моих воспоминаниях после всего пережитого.

Успокоение не пришло, и я, прикупив неподалеку баночку запрещенного моим же ежедневником энергетического напитка, поехал дальше, навстречу учебе и, возможно, симпатичным сокурсницам.

4 сентября 10:00

Владимир, Институт юриспруденции

Владимирского Государственного Университета

На занятия я приехал уже в отличном настроении. Почему-то вероятность того, что меня вот-вот выследят, выглядела на данный момент минимальной, а вот аргумент из воспоминаний «Кабан не предаст», напротив, казался сейчас вполне убедительным. Отчасти этому сильно способствовали яркое солнце в голубом небе и беззаботно гуляющие прохожие.

Молодые студентки, украдкой курившие неподалеку от входа в здание университета, по достоинству оценили машину. Бросив в мою сторону пару восхищенных взглядов, они о чем-то начали шептаться друг с другом. Мне не очень нравились курящие девушки, но все-таки внимание с их стороны к моей персоне польстило.

Немного смущало то, что занятий мною пропущено, очевидно, немало. Судя по ежедневнику, прежний я без особого беспокойства оставил учебу как минимум на несколько месяцев.

Однако я настоящий был уверен, что придумаю отговорку даже без справки из больницы.

Спросив в просторном фойе у охранника, как пройти на юридический факультет, я поднялся по широкой лестнице на второй этаж и почти сразу увидел на одной из дверей надпись «Деканат юридического факультета».

Войдя, я увидел молодящуюся женщину лет пятидесяти со значком депутата на лацкане строгого пиджака. Посмотрев в мою сторону, она сняла очки и улыбнулась мне, как старому знакомому.

– Саша... Рада тебя видеть. Как хорошо, что ты появился до сессии. У нас тут последнее время проверки, и было бы очень хорошо, чтобы ты немного походил на пары, для видимости.

– Вы, как всегда, хорошо выглядите, – ответил я с улыбкой, которой решил замаскировать свое незнание имени и отчества собеседницы.

– Спасибо, мой дорогой. Ты всегда знаешь, как сделать женщине приятное... Кстати, сегодня у твоего курса контрольная по уголовному праву, и было бы неплохо, если бы ты на нее зашел. Она будет в десятой аудитории. Уже минут через пять начало.

– Спасибо. Что ж, тогда я, пожалуй, поспешу.

– Давай, Саш... Кстати, мы в субботу тут преподавательским составом мой юбилей отмечаем, ты, если сможешь, приходи.

– Обязательно приду, – ответил я с лучезарной улыбкой на прощание и быстро удалился во избежание каких-либо вопросов, ответов на которые не знал.

Немного пометавшись по коридорам вуза, я нашел аудиторию. Правда, до звонка все-таки не успел.

Войдя, я извинился за опоздание, поискал глазами свободный стул и нашел место в первом ряду возле девушки.

Мгновения было достаточно, чтобы понять: именно ее я и видел вчера на портрете. Меня бросило в дрожь от волнения. Несмотря на это, я напрямик направился к незнакомке и сел за тот же стол.

– Привет, – одарил я девушку жизнерадостной улыбкой, которая должна была не выдать человека, забывшего имя собеседницы и вообще ничего о ней не знавшего. При этом про себя отметил: улыбка – хорошая альтернатива любым словам в ситуации, когда не знаешь, что сказать. Хотя у меня в это утро и так было хорошее настроение.

– Привет, Сашуль. Какими судьбами? Ты вроде и на сессии появляешься только в виде зачетки. А тут на рядовой контрольной, да прямо собственной персоной. Надеюсь, по сокурсникам соскучился?

Решив провести разведку боем, я сразу же перешел к сути.

– Угадала. Вот хотел тебя сегодня вечером пригласить посидеть в каком-нибудь ресторанчике.

– Да ты сегодня в ударе, – девушка заулыбалась. – Это немного неожиданно для... Лично я очень даже за, правда, боюсь, что мой парень этого не оценит, – она демонстративно повернулась и посмотрела в сторону задних рядов.

Последовав ее примеру, я тоже повернулся и увидел, как оттуда на меня весьма недружелюбно смотрит приземистый стриженный под полубокс парень. Он был в татуировках от кистей рук, вплоть до бычьей шеи. Судя по его пережившему не один перелом носу и глубокому шраму через всю левую щеку, однокурсник частенько лез в бутылку.

– А он красавец, – сказал я с издевкой и нескрываемым разочарованием.

Девушка хихикнула.

– Не прикалывайся над Солитером. Он хоть и немного глупый, но моему Тимурю сразу все доложит. Иногда мне даже кажется, что он и на занятия ходит только затем, чтобы следить за мной. Не представляю, что его вообще заставило поступать в университет.

– У-у-у, мне не разрешаешь, а сама на него наговариваешь. У парня же на лице написана тяга к знаниям... Ладно, – тяжело вздохнул я, смирившись, – займусь контрольной, – и стал без особого интереса изучать листок с заданием.

Неожиданно, что-то слегка ударило меня в затылок. Обернувшись, я увидел с ухмылкой разглядывающего меня с задних рядов Солитера и скомканную бумажку, которой он, видимо, в меня запустил.

Развернув листок, я прочел написанную корявым почерком, с орфографическими ошибками записку: «Кончай Злату кадрить, фраер, а то зубы свои по полу собирать будешь переломанными руками».

– Детский сад какой-то, – сказала Злата, тоже посмотрев на записку, – не обращай на него внимания, он вечно выпендривается. Скажу Тимурю сегодня, чтобы его успокоил.

– Спасибо, но не стоит ни с кем говорить... Если что – сам разберусь, – спокойно ответил я, хотя особого желания разбираться с тем татуированным фриком у меня не было.

К этому моменту преподавателю, видимо, стало скучно сидеть на месте. Эксцентрично одетый старичок с уже седеющей, но аккуратно выбритой бородкой снял свой с заплатками

на локтях пиджак и теперь ходил из угла в угол перед доской, периодически пощелкивал подтяжками, словно заправский дрессировщик кнутом.

Когда и это ему надоело, он остановился и заговорил с аудиторией.

– Простите, я вас не отвлекаю? – спросил он, прежде чем начать свой никак не связанный с занятиями монолог. – В детстве, как и многие из вас, я хотел стать космонавтом.

Некоторые студенты оторвались от своих листков и посмотрели на преподавателя. Выражения их лиц говорили о том, что они вовсе не собирались становиться космонавтами.

– Лично я мечтала стать Барби, – прошептала мне на ухо соседка.

– Ты знаешь, а тебе это удалось, – шепнул я в ответ.

Не получивший поддержки от студентов, преподаватель тем не менее продолжил:

– Впоследствии эта детская мечта переросла в серьезное увлечение астрономией. У меня в этой области есть целый ряд публикаций, но сейчас речь о другом. Как и многие из вас, я внимательно слежу за новостями о космосе. Вы, наверное, слушали сегодня утром сообщение о не имеющем аналогов событии в области астро физики, да? Впервые ученые стали свидетелями взрыва целой плеяды звезд. Конечно, это событие произошло тысячи лет назад, но световая волна достигла возможного для наблюдения расстояния только вчера. Не правда ли, это потрясающе? Мы воочию увидели, что многое, к чему мы привыкли, может быть не таким, как мы его видим. Например, те звезды... Мы ночами смотрели на них, любовались ими, раздумывали, есть ли там разумная жизнь. А оказывается, их уже давным-давно не существовало... Это невероятно, но исчезли целые созвездия. Если верить интернету, это еще не все. Многие звезды все еще продолжают исчезать. Вы только представьте, насколько в итоге изменятся звездные карты! Да... Вот в такое интересное время мы живем. Вселенная все больше раскрывает нам свои тайны, но при этом постоянно добавляет новые.

– Что ж он в юристы-то пошел? – снова прошептала моя соседка. – Да, кстати, возьми шпору на твоё задание. Все равно я с них не списываю. Пишу, чтобы лучше запомнить и почувствовать себя спокойнее, зная, что подсказка рядом.

Аккуратно приняв сложенную записку из ее нежных, чуть прохладных пальцев, я подумал, что главная загадка вселенной – это, наверно, логика женщин. Только что прекрасная соседка оборвала мой благородный порыв завязать с ней роман, а теперь мне улыбается, шепчет всякую ерунду на ухо и шпаргалками помогает.

– Спасибо, за мной должок, – поблагодарил я.

– Расплатишься шоколадкой. Ты, надеюсь, помнишь, я горький люблю, – девушка опять улыбнулась и, чуть задержав взгляд на моих глазах, вернулась к написанию контрольной работы.

С трудом оторвав взгляд от девушки, я собрался с силами и все-таки приступил к выполнению заданий. Как ни странно, я нервничал. Этот прошлый я был таким правильным – если, конечно, можно так сказать про конченого афериста, нарцисса и параноика. Тем не менее мне не хотелось с самого начала уже запороть хоть что-то из того, чего он достиг за годы своей, а точнее моей, жизни.

Когда время контрольной почти истекло, мне осталось написать еще пол-листа текста. Начав нервничать еще больше, я стал спешить и потому писать с ошибками.

Конечно, это отчасти было смешно, ведь еще недавно я убежал из операционной, полной трупов, а тут разволновался из-за такой ерунды. Подумаешь – контрольная. Я вообще еще вчера и не знал, что учусь здесь...

И все-таки напряжение нарастало. Вдруг мой почерк начал становиться все мельче, постепенно превращаясь в нечто, похожее на каракули врачей. Сердце стало биться быстрее, ладони вспотели. То ли оттого, что мои руки нагрелись, то ли по какой еще причине, моя шариковая ручка потекла и начала мазать лист чернилами.

Затем у меня резко заболела голова. На мгновение показалось, что сотни ледяных игл безжалостно вонзились мне в затылок. Перед глазами все поплыло, затуманилось, и я потерял сознание.

Когда мое сознание отключилось, его сменило виденье, похожее на то, что я видел на операционном столе перед пробуждением.

Повсюду, куда мог дотянуться взгляд, простирался красный песок, и лишь на горизонте возвышались покатые горы. Неподалеку по барханам кружило несколько песчаных вихрей.

Несмотря на непогоду, над головой было ясное, усеянное яркими звездами небо, однако пыль уже начинала его красить мазками красноватого тумана.

Надвигалась буря, а вместе с ней приближались те, от кого я прятался. Их почти не было видно. Только силуэты, скрываемые пылью и мраком. Это были они, те преследователи, из моего прошлого кошмара. Но теперь я видел не просто тени, а уже различал их высокие надвигающиеся силуэты.

Совсем один, утопая по колени в песке, я пытался сбежать. Но двигаться было невыносимо тяжело. Словно щупальца морского зверя, цепкие гущи песка тянули меня все глубже в красно-рыжую топь пустыни.

Враги стремительно приближались. Им не было числа. Они пытались окружить меня, отрезая любые пути к отступлению.

Внезапно звезды стали меркнуть. Их заслонило нечто громадное высоко в небе. Слепящий прожектор этого нависшего гиганта осветил меня, а невидимая сила потащила вверх, нарушая все законы гравитации.

Со всех сторон яркие всполохи начали бить по объекту в небе. Затем один самый яркий луч пронзил пространство и поразил огромную машину. Что-то дрогнуло в небе, отчего затряслась даже земля под ногами.

Как только это произошло, я ощутил себя сразу в двух местах. Там, в небе, внутри огромного космического корабля, наблюдающим за сражением внизу. И в то же время на земле, в этой странной холодной пустыне посреди красного песка.

Меня словно разорвало надвое. Боль обожгла каждую клетку моего тела. Разум пытался осознать свое раздвоение, но тщетно. Ледяная рука ужаса сдавила мне горло, не давая дышать, но тут...

Я неожиданно очнулся. Вокруг суетились сокурсники. Преподаватель бесцеремонно тыкал мне в нос ватку с нашатырем. Моя симпатичная соседка, увидев, что я открыл глаза, протянула свой носовой платок, посмотрев на который я догадался, что из носа теплой струйкой течет кровь.

Бросив взгляд на стол, я увидел, что вся моя контрольная была заляпана чернилами и кровью.

– Можно мне выйти в туалет умыться? – спросил я слабым голосом у преподавателя, ощущая легкое головокружение и тошнота.

– Конечно, конечно. Заодно и платочек Злате постираете, – ответил он.

– Это подарок, – девушка еще раз мне улыбнулась, правда, теперь немного испуганно.

Встав из-за стола, я пошел к выходу, про себя подумав, что Злата – довольно редкое имя, хотя надо отметить, оно моей знакомой невероятно шло. На солнце ее длинные светлые волосы отливали ярким золотым оттенком.

С задней парты послышался хриплый прокуренный голос Солитера.

– Можно и мне тоже в туалет?

– Конечно, Бычков. Контрольную работу сдавай и иди, – ответил преподаватель.

– Да мне на минуту.

– Да хоть на секунду.

Парень зло посмотрел в мою сторону, потом на учебник, лежавший рядом с ним на стуле, прошептал какое-то ругательство и, дав ни за что подзатыльник соседу по столу, вернулся к написанию контрольной.

Выйдя из аудитории, я не спеша пошел по длинному коридору в поисках мужского туалета, с двойным чувством осматриваясь по сторонам: мне все было и знакомо, и незнакомо одновременно. Глядя на очередные детали интерьера, я вспоминал, что уже видел их раньше, но как ни силился, ничего больше не мог вспомнить. Пелена с памяти снималась медленно и неохотно, открывая фрагменты прошлого и оставляя огромные пустоты.

Высокие двери учебных аудиторий, несколько прогуливающих занятия и болтающих у окна студентов, нелепый стенд «ОБЖ» с рекомендациями, в какую сторону ложиться ногами в случае ядерного взрыва, и сохранившийся еще с советских времен гипсовый бюст Ленина в углу.

Свернув за угол, я оказался рядом с дверью, на которой была табличка с джентльменом в шляпе. Так как шляпный салон в институте едва ли существовал, видимо, это и был мужской туалет.

Войдя, я подошел к раковине и как следует умылся, чтобы избавиться от остатков крови и следов чернил. Вытерев лицо и руки платком Златы, я промыл его водой из крана, отжал и аккуратно сложив, убрал в карман.

После этого я посмотрел на себя в зеркало. «Кто же я такой? Кто ты, Александр Быстров?» – обратился я мысленно к самому себе в надежде, что на меня сойдет озарение и память, наконец, вернется, расставив все на свои места.

Однако она возвращаться не спешила. Я же, словно под гипнозом собственного взгляда, все смотрел и смотрел в зеркало на отражение незнакомца, которым оставался для себя самого.

Сложно сказать, долго ли это продолжалось, но в какой-то момент мои зрачки резко расширились, как у наркомана после принятия дозы. Внезапно мне показалось, что буквально каждую клетку моего организма начало трясти. Мозг словно пытался выполнить невыполнимую команду, и я, лишившись сил двигаться, мог теперь лишь смотреть перед собой.

На моих глазах зеркало хрустнуло и, дав небольшую трещину, рассекло отражение. Сделав над собой усилие, я попытался отвести взгляд от зеркала, но так и не смог.

Трещина, похожая на зигзаг молнии, продолжила расти. Сначала понемногу, словно набираясь сил, а потом одним сильным рывком с хрустом ломающегося льда она раскрошила стекло. Осколки со звоном осыпались в раковину. Но на этом шоу не закончилось.

Стена, на которой висело зеркало, тоже дала трещину, которая с глухим пугающим звуком начала расползаться в разные стороны. Теперь уже начали крошиться кирпичи и кусками отлетать шпаклевка, покрытая многочисленными слоями краски.

Наконец мне удалось совладать с собой путем серьезных усилий. Я отвернулся от зеркала, и в тот же момент все разрушения прекратились. Мой транс завершился, дрожь ушла, а паутина трещин перестала расползаться, осваивая все новые участки стены.

Быстро выйдя из туалета и получив вместо ответов о своем прошлом новые вопросы о том, что со мной не так, я решил на сегодня покинуть университет и не возвращаться в аудиторию.

В общем, с учебой не вышло, хотя преподаватель и пообещал мне перед походом в туалет, что если начало контрольной написано верно, то ее незавершенность на оценку не повлияет, осадок все же был не особенно приятным.

Со мной явно происходило что-то неладное и выходящее за рамки понимания. Возможно, все это было следствием моего пребывания в больнице. Вполне вероятно, что там вообще надо мной ставили какие-то опыты.

Впрочем, если не брать во внимание внутренние переживания, сейчас мое самочувствие было нормальным. Немного поразмыслив, я решил, что не буду отменять предписанную ежедневником тренировку.

Покинув здание института и продиктовав навигатору найденный в записях адрес, я поехал в спортзал.

Мне было немного странно, что я прошлый тренировался не дома, где располагал шикарным набором тренажеров. Хотя, возможно, это было связано с регулярными тренировками по боксу, которые проходили в том же спортивном комплексе.

4 сентября 12:25

**Владимир,
спортивный комплекс «Золотой Олимп»**

Навигатор привел мою машину к красивому пятиэтажному зданию с большими фиолетово-зеркальными окнами. Стрела шлагбаума гостеприимно поднялась, пропуская меня на стоянку, и я, аккуратно объехав здание вокруг, поставил машину у входа в спортивный комплекс.

Едва зайдя в вестибюль, я понял, почему мне раньше нравилось ходить именно сюда. Место было великолепным: приятный интерьер, обилие стройных, загорелых девушек, посещающих занятия фитнесом. Несколько больших бассейнов, салон тайского массажа, спа и бар со спортивным питанием.

Торопливо переодевшись, я немного погрелся в сауне, а затем сделал пару заплывов в бассейне. Судя по информационному табло, да и по моим ощущениям, температура и воды, и воздуха была не ниже, чем на тропическом курорте в разгар сезона. Рядом с бассейном, как на пляже, стоял ряд лежаков, чередующихся с пальмами в кадках.

Вернувшись в раздевалку, я переоделся в шорты, майку и кроссовки. Немного подсушив волосы феном у зеркала и заодно поправив прическу, я отправился в тренажерный зал.

Детально расписанный в ежедневнике комплекс упражнений с точным количеством подходов, повторений и весов, которому было предписано следовать, меня не устроил. Поэтому я стал пробовать те тренажеры, что были по душе.

В зале играла музыка танцевального радио «Рекорд». На многочисленных мониторах, развешанных по стенам, без звука показывали бои без правил. На множестве беговых дорожек, расставленных вдоль окон, тренировались стройные симпатичные девушки. В общем, обстановка весьма способствовала спортивным достижениям.

Один из персональных тренеров, пожалуй, самый крепкий парень из присутствующих в зале, заметил меня и вразвалочку через весь зал направился мне навстречу.

На вид ему было около сорока лет. На парне буквально трещали по швам от напора мышц спортивные штаны в полоску и белая футболка с фотографией Шварценеггера из старого боевика «Хищник». Руки его, казалось, были ничуть не меньше, чем у самого Арнольда, хотя, возможно, это только казалось из-за его невысокого роста.

Судя по бейджику, прикрепленному к футболке спортсмена, парня звали Станиславом. – Ба, какие люди в Голливуде, Саня. Давненько тебя не было у нас.

Пожав культуристу руку и, особенно не зная, о чем говорить с человеком, которого не помню, предложил ему подстраховать меня на жиме штанги лежа.

Вес, который я определил себе, был килограммов шестьдесят, хотя согласно ежедневнику он далеко перевалил за сотню.

– Ты издеваешься? А ну-ка пошли со мной, – не принимающим возражений тоном сказал спортсмен. – Нам тут новый тренажер поста вили, сейчас опробуешь.

Пожав плечами, я пошел следом за Станиславом.

– Кстати, анекдот, – по пути решил меня посмешить Стас. – Парень с разбитым лицом на работу пришел. А начальник его и спрашивает, что случилось? Тот, типа, отвечает, что

в зал качаться ходил. Начальник интересуется, мол, что, гантелей себе по лицу попал? А парень говорит, что просто тренер ее себе на ногу уронил, а мое лицо решило, что это смешно...

Станислав громко засмеялся над собственной шуткой. Я для приличия тоже его поддержал, хотя анекдот мне особенно смешным не показался.

У большого приоткрытого окна стоял мощный тренажер с фиксированным на осях грифом для жима. На штангу было нанизано килограммов 180.

– Вот, я тут как раз тренировался. Вес достаточен или тебе еще добавить? Размялся ты прилично, бегал тут по залу, ерундой страдал.

– А не многовато? Понимаешь, я вроде, как после большого перерыва, – спросил я с сомнением в голосе и некоторым внутренним страхом.

– Какого такого перерыва? По тебе же видно, что ты и в отъезде тренировался.

Конечно, выглядел я в принципе рельефно по сравнению с большинством тренирующихся в зале. Однако в своих силах был не настолько уверен, чтобы выжать подобный вес.

Несмотря на мои колебания, тренер не оставил особого выбора, заняв свое место за штангой и приготовившись снять ее для меня с поручней.

Пришлось начать с ней работать. Расположившись на скамье, я взялся за гриф. Станислав тут же подхватил штангу и помог мне ее поднять.

Вроде все шло неплохо. Вес хоть был и тяжелым, но опускал я его на себя ровно и не спеша. Обратная штанга шла куда хуже, но я, пусть и с большим усилием, все же выжимал ее. Раз шесть я вытянул штангу более-менее, на седьмом уже с трудом, а когда стал опускать ее на себя в восьмой раз, руки уже тряслись от напряжения.

Когда штанга коснулась груди, силы предательски меня покинули совсем. Обратная вверх она идти, как раньше, почему-то не захотела, даже хоть на немного.

Штанга все сильнее давила на грудь, а новых сил не прибавлялось.

Стас же оказался еще тот помощник. Вместо того чтобы хоть как-то мне помочь, он все командовал:

– Сам... сам давай, дави ее родненькую. – А потом и вовсе отвернулся со словами: – О, Сань. Твой сокурсник Тимур, пожаловал. Мистер засранец Владимирской области. Нет, ты посмотри на него, никакого рельефа. Жир один, а они ему кубок региона отдали. Сволочи продажные.

Однако мне было не до кубка и не до сокурсника. Штанга, несмотря на мое сопротивление, не шла вверх, а давила вниз, угрожая проломить грудную клетку.

– Давай, Саня, еще чуть-чуть, – вновь попытался подбодрить тренер, даже не глядя в мою сторону.

Напрягшись изо всех оставшихся сил, я еще раз надавил на упрямый гриф. У меня вновь заболела голова, причем куда сильнее, чем в университете перед обмороком. Виски сдавило, запульсировала височная вена, рискуя взорваться от напряжения. Струйки крови уже привычно полились из носа, на этот раз из обеих ноздрей сразу. В голове молнией пронеслась мысль: «Только не потерять сознание!» Не хватало еще, чтобы штанга скатилась мне на шею и придушила.

К счастью, пока мне везло, и я продолжал давить упрямое железо, по-прежнему оставаясь в сознании.

Неожиданно у меня словно открылось второе дыхание. Усталость понемногу отступила. Штанга, хоть еще и сопротивлялась, все-таки медленно пошла вверх, постепенно ускоряясь. В какой-то момент резким рывком я ее выжал. Да причем сделал это так мощно, что моя спина, слегка приподнялась от лежака.

Обрадовавшись, я уже был готов повесить гриф, но тут со всех сторон послышался грохот падающего железа, а вслед за ним – крики страдания и боли.

Зафиксировав штангу на поручнях, я присел на скамье и увидел, что вокруг меня творится что-то непонятное...

Пара металлических разновесов катилась по залу, как колеса разлетевшейся вдребезги машины. Парень, еще недавно приседавший со штангой на плечах, теперь валялся на этой же самой штанге, вывихнув руки, которыми ее по-прежнему держал. Кто-то рухнул с перекладины, на которой подтягивался, и теперь потирал свой отбитый при падении копчик.

Седой мужчина в насквозь пропотевшей бежевой майке, рассматривающий себя в зеркале во время подъема штанги на бицепс, упал с ней прямо на свое отражение, со звоном разбив стекло и изрезавшись осколками.

У кого-то в дальнем углу зала выпали гантели из рук, причем одна – прямо на ногу, обутую в сланцы, разбив пальцы в кровь. Несчастный стал наглядным подтверждением важности объявления, висевшего рядом на стене и предупреждавшего об опасности тренировок в открытой обуви.

Молодой парень, прыщавый от чрезмерного приема протеина, тренировал широчайшие мышцы спины в силовом тренажере. Минуту назад он тянул на себя широким хватом прикрепленную к тросу рукоять перед подбородком. Теперь же бедняга, неожиданно отпустив ее, не только получил рукоятью по челюсти, громко лязгнув зубами, но и ощутил всю мощь ста килограммов, бьющих по носу снизу. Всего мгновение, и он без всякой хирургической пластики стал курносым.

Ехавшие на велотренажерах и бежавшие по дорожкам девушки теперь валялись рядом с ними, тихо поскуливая от ушибов и ссадин.

Хуже всего пришлось мужику, тренировавшему пресс вниз головой на почти вертикальной доске с гантелями в руках. Он резко упал, получив выпавшей из расслабившихся рук гантелью прямо в челюсть, и теперь лежал на полу среди собственных рассыпанных зубов в лужице крови, не подавая признаков жизни.

В общем, вокруг был полный хаос.

Станислав стоял рядом со мной бледный как смерть, находясь в шоке от происходящего. Приоткрыв рот и глупо озираясь по сторонам, он никак не мог понять, что творится.

В мою же голову начали ненавязчиво закрадываться некоторые подозрения по поводу собственной причастности ко всему этому безобразию, поэтому я решил, что нужно срочно уходить. Стараясь вести себя как ни в чем не бывало, я тихонько ретировался в душевую, перешагивая через разбросанный инвентарь.

Оглянувшись перед самыми дверями мужской раздевалки, я увидел всю полноту беспорядка, прервавшего тренировку. При виде разбросанных повсюду гантелей и штанг насмешкой казалось висевшее на стене еще одно объявление: «Штангу кто не уберет, у того пусть не встает». В зале было столько пострадавших, что, очевидно, порядок наводить предстояло не им, а тренерам.

Шумно вздохнув, я покинул зал с тяжелым чувством от происходящего вокруг.

Скинув одежду в раздевалке, я обмотался полотенцем и вошел в душевую. В ней я оказался не единственным посетителем. Кроме меня там мылся еще один здоровяк: двухметровый парень с невероятно мощной спиной и руками толще, чем мои ноги. Судя по всему, это и был мой сокурсник Тимур, который только что пришел на тренировку и потому пропустивший все последние события в зале.

Он посмотрел на меня с полным безразличием и протянул руку, чтобы поздороваться.

– Мне Солитер звонил, сказал, что ты сегодня кровью исходил на занятиях. Да и сейчас смотрю, у тебя тоже кровь шла. Сочувствую...

Послунявив палец, я попытался оттереть кровавые следы у себя под носом.

– Да вот, как-то неудачно зашел на контрольную. Может, давление подскочило, не знаю. А сейчас вес тянул и все такое...

– А-а-а... – многозначительно ответил парень, намыливая свои длинные, черные, как смоль, волосы, – наверно, это у тебя от духоты. Жарко, сухо, даже лес горит...

Тимур смыл пену с тела и выключил душ. Потом обязался белым махровым полотенцем и направился к выходу, но в последний момент обернулся.

– Кстати, тобой федералы интересовались. Мне об этом Тамара Ивановна сказала, когда звонила, чтоб зал на свой юбилей в моем кафе заказать... Она и тебе пыталась позвонить, но твой сотовый вне доступа... Так что имей в виду... Обычно такие визиты не к добру, – последние слова он сказал с какой-то не очень доброжелательной ухмылкой и вышел из душевой.

Информация о визите людей из органов по мою душу, мягко выражаясь, была неприятной. А точнее, меня просто передернуло от страха и дурных предчувствий.

Однако говорят, что во всем следует искать позитив. Я взглянул в зеркало душевой. Мои мышцы всего за одну тренировку серьезно окрепли и стали изрядно распирать кожу, словно я просидел пару месяцев на лошадиных дозах анаболиков. Что ни говори, а так заниматься спортом куда интереснее, чем годами ходить в спортзал и в результате приобрести только геморрой и сорванную спину.

Переодеваясь, я попытался влезть в свою рубашку, но безуспешно: раздавшиеся от прилившей к мышцам крови руки не пожелали пролезать в рукава. Пришлось остаться в спортивной майке, благо рукавов у нее не было.

Быстро пройдя через зал, я поспешил покинуть спортивный клуб.

К счастью, случившееся, похоже, никто не связал с моей тренировкой. Станислав был полностью занят сломавшим челюсть посетителем, который оказался все-таки жив.

Мой день явно шел наперекосяк. Поэтому тренировка по боксу, что стояла в графике сразу после тренажерного зала, была отложена до лучших времен.

Немного поразмыслив, я решил сделать что-то максимально безвредное для себя и окружающих и потому направился обедать, надеясь по пути продумать, что делать с пугающим интересом федералов к моей персоне.

4 сентября 15:01

Владимир, ресторан «ДежаВю»

Ресторан «ДежаВю» находился на первом этаже спортивного комплекса и поэтому радовал посетителей легкими землетрясениями каждый раз, когда кто-то наверху ронял штангу. А после недавнего падения всех и вся на потолке заведения отлетела штукатурка и даже появилась небольшая трещина.

Название ресторана вполне соответствовало моим ощущениям, так как, войдя в зал, я сразу почувствовал, что уже бывал здесь и, видимо, не раз. Присев за столик, я попытался тщательно обдумать свои дальнейшие действия.

Творилось слишком много странного, и, что еще хуже, это могло обернуться для меня катастрофическими последствиями.

Решив питаться в соответствии с советами ежедневника только полезными продуктами, я полистал в поисках оных меню. Однако, увидев в меню шашлык, я понял, что хочу его гораздо больше вареной рыбы и фрэша из сельдерея, которого к тому же там и не было. Раз уж следовать диете не получилось, я заказал себе и безалкогольное пиво.

Сделав заказ, я пошел помыть руки, чтобы хоть правила гигиены соблюсти.

В голову лезли тягостные мысли и вопросы, ответов на которые у меня по-прежнему не было, поэтому я мыл руки очень долго, отрешенно глядя перед собой. Наконец, закончив, я решил оценить результат своей работы и посмотрел на руки. Однако их вид меня не порадовал, а скорее озадачил. Не знаю, как давно с моими руками начали происходить изменения. Возможно, я просто впервые обратил на них внимание, но не нужно было всерьез разбираться в хиромантии, чтобы понять: с линиями на ладонях не все в порядке. Линия судьбы

мощной бороздой шла поперек линий ума и любви, оставляя на обеих в местах пересечения достаточно зримые разрывы. А что касается линии жизни, та и вовсе обрывалась у линии судьбы. Я не помнил, откуда что-то знал о линиях, скорее всего, в прошлом прочитал пару книжек, чтобы при знакомстве с девчонками иметь лишнюю тему для разговора.

Оторвавшись от созерцания ладоней, чтобы посмотреть в зеркало на свое обескураженное новым открытием лицо, я заметил в нем нечто более озадачивающее и даже злое. В какой-то момент мне даже почудилось, что волосы у меня на голове слегка зашевелились от увиденного в отражении.

Рядом со мной в помещении можно было разглядеть нечто, похожее на тень. Темная субстанция клубилась вокруг меня темной дымкой, струями заползая под одежду и в шею. Через некоторое время, словно заметив мое внимание, она начала медленно и неохотно исчезать, впитываясь в меня, словно в губку, и проникая «табачным дымом» через ноздри внутрь тела.

Мне искренне хотелось надеяться, что это были просто галлюцинации, связанные с травмой от удара локомотивом или последствия той непонятной операции.

Как бы то ни было, находиться наедине с самим собой мне резко расхотелось.

Вернувшись за столик, я приступил к еде, однако, без особого аппетита. Все казалось пресным, словно повара не использовали никаких специй. Пиво я и вовсе не допил. Оно было безвкусным и теплым.

В довершение отвратительного обеда, вытирая руки от шашлычного жира салфеткой, я почувствовал, что мне что-то мешает на большом пальце левой руки, словно какой-то длинный заусенец. Приглядевшись, я с отвращением обнаружил, что из-под ногтя торчало нечто нитеподобное. Судя по зеленовато-бурому оттенку, это была та же субстанция, что и на скальпеле в больнице. Осторожно потянув за нее, как тянут нитку из плохо простроченной вещи, я ощутил неприятное движение через всю руку. Словно червь, медленно и тяжело она стала вытягиваться из пальца. По мере извлечения, я почувствовал, как что-то неприятно отрывается от моего тела.

Штуковина была очень тонкой, почти как волос, но при этом весьма крепкой и не обрывалась, несмотря на прилагаемые мною усилия. С завидным усердием я все тянул и тянул. Наконец, мне удалось извлечь ее до конца. Похоже, именно эту гадость и удалял из меня хирург, прежде чем умереть.

Расплатившись за невкусный обед, я покинул ресторан с еще большим числом вопросов, чем было раньше. Теперь оставалось надеяться, что прогулка на свежем воздухе, возможно, будет хоть немного продуктивнее...

4 сентября 16:07

Владимир, Городской парк культуры и отдыха

Осень продолжала радовать своим теплом. Поэтому я, оставив машину на стоянке рядом с рестораном, решил немного прогуляться по парку, что располагался неподалеку.

Нужно было срочно решать, как действовать дальше. Возможно, уже пришло время бежать, бежать без оглядки. Однако едва я попытался представить себе этот побег, в голове стало как-то пусто – ни одной конкретной мысли, и энтузиазм что-то предпринимать сразу же заметно поубавился.

Постаравшись немного расслабиться, я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и решил на время выбросить все из головы. Что толку страдать, если решения все равно нет. Возможно, время еще просто не пришло.

Вдоволь нагулявшись по округе, я прошел мимо одной из старейших церквей города. Или самой старой церкви, точно не помню, да это и неважно. Знаю, что в ее основание заливали какое-то жидкое стекло, чтобы она совсем не развалилась.

Стало немного странно и неуютно оттого, что, толком не зная, кто я такой, не помня ни друзей, ни врагов, я держал в памяти всякую ерунду про какую-то трижды ненужную мне церковь.

Обойдя здание, я вышел на смотровую площадку и смог полюбоваться открывавшимся с нее видом.

Легкий ветерок охлаждал мне лоб, возвращая способность мыслить.

Мне вспомнилось, что когда-то в прошлом я здесь с кем-то целовался. Хотя, возможно, это ощущение было навеяно слонявшимися там и тут парочками прогуливавших учебу студентов.

В памяти всплыли смутные воспоминания. Я пил с какой-то девушкой шампанское в кафе неподалеку. Потом мы здесь гуляли и на виду у всех обнимались и целовались. Кажется, тогда я был немного испуган, поскольку не хотел, чтобы нас заметил кто-либо из знакомых. Но поцелуи были настолько приятными, что я им полностью отдался, забыв о тревогах.

Воспоминание было туманным, лица девушки я так и не разглядел. Просто легкий всполох позабытых чувств.

Вдохнув полной грудью приятный сентябрьский воздух, я даже улыбнулся.

«Боже, как тепло. Как хорошо дышится. Жаль, что нужно убираться отсюда», – с грустью подумал я.

Однако решение покинуть приятное местечко пришло ко мне слишком поздно...

Сзади подошли двое. Я же так увлекся погоней за образами прошлого, пробужденными прогулкой по осеннему парку, что никого вокруг не замечал. Только в тот момент, когда один из подошедших схватил меня за руку и надел наручник, я резко возвратился в неприветливую реальность.

Первой мыслью, когда я увидел двух своих знакомых оперативников из Твери, было желание звать на помощь и бежать изо всех сил прочь.

Однако Тимофей приоткрыл полу пиджака и показал висевшую там кобуру, чем быстро отбил у меня желание активно сопротивляться.

– Не рыпайся. Мы теперь работаем на федералов. Только дай мне повод, и я тебе за Егорыча все кости переломаю.

– Пойдем прокатимся, – присоединился к разговору его напарник, кепка на голове которого прикрывала бинты.

– О-о-о... – протянул я, подумав, что, возможно, их взяли в ФСБ именно из-за участия в моем деле.

Однако слово «прокатиться» мне совсем не понравилось, и я решил все-таки обратиться к общественности, гулявшей вокруг.

– Помогите! Похищают!.. – закричал я что было мочи.

Впрочем, мой призыв о помощи был очень коротким и не особенно результативным.

Резкий удар в челюсть, посланный Тимофеем, меня прервал. Сразу же последовал второй удар сзади каким-то тяжелым тупым предметом по голове, который и вовсе заставил меня обмякнуть в заботливых руках похитителей.

Горожане не слишком бурно отреагировали на призыв о помощи. Но даже тех немногих, кто все-таки заинтересовался происходящим, вполне устроили корочки, предъявленные моими похитителями.

Пожилая пара, прогуливавшаяся неподалеку, стала возмущенно обсуждать случившееся, так и не предприняв ничего конкретного для моего спасения.

И вскоре без особых препятствий меня затолкали в огромный джип с тонированными стеклами и повезли в неизвестном направлении.

4 сентября 17:32

Комната для допросов

Управление ФСБ по Владимирской области

Благополучно доставив меня в центр города, где располагалось здание ФСБ, и даже особенно не избивая по пути, похитители бесцеремонно втолкнули меня внутрь и затащили в комнату для допросов. Я сопротивлялся. Но, невзирая на сопротивление, каждую мою руку пристегнули отдельным наручником к металлическому креслу и, наконец, оставили в покое.

Напротив за столом сидел мужчина в строгих очках и сером костюме с металлическим значком в виде щита и меча на лацкане пиджака. У него было худое сосредоточенное лицо с жесткими аккуратно подстриженными усами.

Он курил и при этом что-то записывал на слегка пожелтевших листах бумаги, словно не обращая на меня никакого внимания.

Этот человек показался мне знакомым. Похоже, именно он руководил операциями и в офисах «Финанс Профи Групп», и в день моего побега из больницы.

Наконец, хозяин кабинета оторвался от своих записей и, затушив сигарету, презрительно посмотрел в мою сторону.

У него были неприятные полуприкрытые веками глаза. Казалось, этот человек пытался отгородиться от людей, которые вечно суетились вокруг него и раздражали. На меня же он смотрел и вовсе как на недочеловека.

– Ну здравствуйте, Александр. Или, может, вам привычнее, называться Призраком? Именно так вас кличут криминальные товарищи?

Разговор с самого начала для меня принимал не совсем приятный оборот. Но в одном я был уверен наверняка: как бы меня ни прижимали и ни уговаривали, признаваться ни в чем нельзя. Сказал правду – пошел на нары, не признался – еще не факт, что у них хватит доказательств. Поэтому я сделал возмущенное лицо и начал защищаться.

– Хоть чуелом меня называйте. Понятия не имею, что вам от меня надо. Требую адвоката! Немедленно!

– Вы, молодой человек, видимо, не совсем меня правильно поняли. Давайте попробуем еще раз. Позвольте представиться. Меня зовут Анатолий Михайлович Зверев. Будучи полковником ФСБ, я по долгу службы руковожу группой экспертов, занимающихся вашей персоной и вашим творчеством. Причем уже очень давно. Еще с вашего питерского «Бизнес-клуба». Помнишь, скольких ты тогда обокрал? – он резко перешел на «ты».

– Понятия ни о чем не имею. Вы меня с кем-то путаете...

– Ты знаешь, что из-за тебя в Питере, Саратове, Владивостоке и еще во множестве мест, которые ты посетил, тысячи честных граждан потеряли абсолютно все, даже крышу над головой?

– Первый раз слышу...

– Хорошо. Даю тебе подсказку. В Твери ты недавно наделал много шума. Подельника мы твоего взяли, и, поверь, он сдал тебя с потрохами. Не сразу конечно, но Тимофей с Игорем так хорошо умеют убеждать, что твой напарник нам все выложил. Хорошо они с ним поработали, я их даже после этого к себе взял. Просто находка года для меня... Так что если не захочешь по-хорошему, они все равно заставят все рассказать, но уже по худшему для тебя сценарию. Так что выбор за тобой.

– Да не знаю я ничего... – попробовал я вставить фразу.

Но полковник продолжил свой монолог, не обратив на нее никакого внимания:

– Во-первых, меня интересует, как ты смог выжить после того, как тебя поезд раскатал под цыпленка табака? Чем таким ты убил врачей и охранника в больнице? Ну и последний, но не по значению вопрос: где деньги, что ты украл?

На последней фразе глаза Зверева заметно блеснули, и я в них увидел алчный огонек.

– Какие убийства? Какие деньги? – снова запротестовал я.

– Что ж, очень жаль. Поверь, я искренне надеялся на сотрудничество. Думаю, у нас нашлись бы точки соприкосновения для переговоров о твоей дальнейшей судьбе. Но раз не хочешь, придется тебе побеседовать с моими помощниками. А они умеют объяснять без лишних слов, поверь мне, – полковник, как сумел, улыбнулся, показав желтые от частого курения зубы. – Чуть позже, когда у тебя появится желание побеседовать, мы встретимся вновь.

Мой собеседник встал из-за стола и удалился из комнаты, а ему на смену вернулись мои похитители. Вид у них был недобрый.

Тимофей снял пиджак, показав, как под белой рубашкой играют крепкие мышцы, а заодно и какая у него мощная пушка в кобуре. Он начал закатывать рукава и с ухмылкой поглядывать в мою сторону.

Предчувствия на счет предстоящей беседы с оперативниками были очень плохие, и неудивительно, что меня пробрала нервная дрожь.

Судорожно обдумывая, как мне вымолить у них пощады, я одновременно с этим начал нервно ерзать и напрягать руки в наручниках, пытаясь освободиться.

Дрожь усилилась, а вместе с ней вернулась злополучная головная боль. Снова капилляры в носу не выдержали, будь они трижды неладны, и кровь потекла из носа, предвещающая неизбежное избиение. Однако в этот раз я почувствовал, а затем и увидел в висевшем напротив меня зеркале, что кровь пошла не только из носа: по лицу катились кровавые слезы. К сожалению, они испугали только меня, но не моих «собеседников».

Тимофей медленно, растягивая удовольствие от нагнетаемого страха, шел в мою сторону.

– Что-то ты побагровел, малой. Не бойся, до смерти не забью. Так, может, чуть-чуть покалечу...

Меня всего трясло, я внутренне сжался, напряг все мышцы и стал с удвоенной силой пробовать высвободиться из наручников.

Сперва попытки были тщетны и, кроме боли, ничего мне не приносили. Но через некоторое время произошло нечто странное. Я почувствовал, что давление железных оков на руки начало ослабевать.

Словно загипнотизированный, я не мог оторвать глаз от надвигающейся на меня горы мышц с огромными кулаками. И только в тот момент, когда наручник громко звякнул о металлический стул, я осознал, что одна рука уже свободна, и смог отвести взгляд от Тимофея.

Вид собственных рук меня ошеломил: правая больше не была заключена в «браслет», а вот посередине левой ладони, прямо из нее, торчал наручник. Каким-то неведомым мне образом, он сам собой снимался с руки, проходя через нее. В тот самый момент, как я сконцентрировал внимание на этом процессе, он остановился. Тогда-то я и ощутил примерно то же самое, что почувствовал бы любой другой человек, которому прямо в ладонь всадили металлический прут.

Острая боль обожгла мою руку, и вместе с ней я ощутил холод металла, который болезненно давил на кости.

Тимофей невольно застыл на месте при виде столь неординарного зрелища.

Воспользовавшись его замешательством, я изо всех сил потянул на себя левую руку, но получил лишь резкую боль, как если бы пытался содрать ее с железного крюка, а кровь выступила по краям застрявшего наручника.

Перестав дергаться, я закусил губу от нестерпимой боли. У меня на глазах снова выступили слезы, на сей раз уже самые обыкновенные, правда, еще чуть розоватого оттенка.

Собравшись с силами, я вновь, на этот раз медленно и осторожно, потянул руку, и та нехотя продолжила движение, освобождаясь от наручника.

– Ах ты, фокусник чертов! – возмутился пришедший в себя Тимофей и отвесил мне жесткий удар в челюсть, от которого я упал вместе со стулом, но, к счастью, моя вторая рука уже тоже освободилась, и я немного смягчил свое падение, выставив вперед ладони и спружинив на руках.

Пожилой напарник Тимофея также подключился к моей обработке и стал усердно пинать меня ногами.

Удары. Боль. Кровь. Парни просто сошли с ума. Не было сомнений в том, что они держали на меня обиду еще с Твери.

Сколько это продолжалось, сказать трудно. Должно быть, долго – ребята даже изрядно вымотались. Что же касается меня, то я, напротив, начинал адаптироваться к их ударам и чувствовал себя немного лучше. Даже боль, казалось, притупилась.

Удары становились все слабее, и наносили их оперативники все реже. Бойцы вспотели и выглядели неважно. Движения их становились все более вялыми.

Неожиданно пожилой оперативник схватился за сердце и упал рядом со мной сначала на колени, а потом и вовсе рухнул на пол, скорчившись и прерывисто дыша.

Его напарник, поняв, что дело принимает дурной оборот, отступил назад и потянулся одной рукой к кобуре, а другой – начал на ощупь искать на столе телефон.

Однако я легко предотвратил его порывы, встав с пола и просто толкнув оперативника рукой. Тимофей весь обмяк и, словно неживой, рухнул на пол, по пути ударившись затылком о стол. Его глаза смотрели на меня через полузакрытые дрожащие веки, как будто он засыпал.

Похоже, что, как и в тренажерном зале, существовала реальная связь между приходом сил ко мне и уходом оных от окружающих людей.

От противников я избавился, но как отсюда уйти, мне было неизвестно.

Наконец, у меня появилась идея. Вспомнив, как мне удалось освободиться от наручников, я решил проделать нечто подобное с целью побега. Пройдя мимо выпавшего в осадок парня, я приблизился к узкому окну с решеткой. На счастье, мы были на цокольном, а не на каком-нибудь восьмом этаже.

Поэтому я решил испытать свои новые способности и вылезти наружу сквозь окно.

Форточка была открыта, но решетка оказалась слишком узкой, чтобы я смог в нее протиснуться. Подставив стул, я попробовал вылезти, но, естественно, застрял. Усилив нажим на решетку, я почувствовал только боль и никакого движения сквозь прутья.

Сосредоточившись, я стал, как и в случае с наручниками, делать все не спеша. Следя за дыханием, словно бы на занятии йогой, я потихоньку усиливал нажим головой на прутья решетки. Долгое время никаких результатов не было, и когда отчаянье уже почти охватило меня полностью, я неожиданно начал медленно продвигаться сквозь решетку наружу.

Поначалу казалось, что я попросту оторвал себе уши, но ощупав голову, понял, что они были в целости. Немного успокоившись, я продолжил свой странный побег.

Стараясь не спешить, не делать резких движений и практически не дышать, чтобы не застрять где-нибудь посередине, я в конце концов покинул комнату допросов. Пара долгих, бесконечно долгих минут, и вот я уже выползал на улицу позади здания ФСБ.

Эксперимент был болезненным и весьма неприятным. Однако он дал свой результат: я оказался на свободе.

Теперь только небольшой розовый силуэт, оставленный моей кровью на решетке, да привкус железа во рту убеждали в том, что все произошедшее являлось реальностью.

Однако расслабляться было рано, и я поспешил убраться прочь.

Преодоление преград не прошло для меня даром. Через некоторое время меня начало мутить, голова закружилась. С трудом дойдя до ближайшей подворотни, я согнулся в приступе тошноты. Меня вырвало, как мне показалось, с примесью крови и металлической

стружки. По крайней мере ощущение было такое, что остатки металла, покидая мое тело, резали все внутренности, словно ножом.

Меня шатало от слабости. На глазах были слезы, но боль ушла раньше, чем они высохли. Сев на первый подошедший троллейбус, я поехал до его конечной остановки. К счастью, чувствовал я себя уже как ни в чем не бывало. Видимо, мой организм, ко всему прочему, обладал теперь и потрясающей регенерацией.

Домой возвращаться я побоялся и поэтому решил найти себе ночлег где-нибудь неподалеку. Сил у меня на длительный поиск почти не осталось. Немного осмотревшись, я остановил свой выбор на одном из подъездов без домофона.

Поднявшись на лифте на самый верх, я обнаружил, что замок на чердаке был не особенно серьезным. Он висел на петлях, прикрученных саморезами прямо к стене. Немного усердия, и я избавился от них с помощью ключа.

Поднявшись по металлической лестнице на чердак, я закрыл за собой люк и, притулившись у узкого окна, попытался уснуть.

После такого безумного дня я логично ожидал кошмаров и бессонницы. Однако подсознание почему-то решило, что преследование для меня сейчас не самый главный травмирующий фактор. Вместо жутких погонь оно порадовало меня сном о приятной прогулке в летний солнечный день.

Мне снилось, как мы гуляли со Златой, держась за руки, по узкой лесной тропинке, наслаждаясь тишиной и запахом хвои. Мы непринужденно болтали, я все время шутил, и девушка часто смеялась – мелодично и заразительно. Постепенно тропинка нас вывела к реке со старой заброшенной кирпичной дамбой. Мы поднялись на мост и встали над бурлящей водой этого искусственного водопада. Девушка нежно ко мне прильнула, и мы поцеловались.

У Златы были красивые пухлые губы, отчего поцелуй получился на удивление нежным. На вкус он отдавал клубникой, видимо из-за помады.

Целовались мы очень долго, но мне не хотелось, чтобы это заканчивалось. Однако девушка меня немного отстранила от себя и, глядя в упор озорными серебристыми глазами, улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

– Пойдем вниз к водопаду! – предложила она.

Мы спустились по камням к бурно спадавшему потоку, продолжив целоваться уже там. Я подхватил девушку на руки, но не удержал равновесия, и мы вместе рухнули в воду озера, простирившегося за дамбой.

Мы купались прямо в одежде под ярким полуденным солнцем, брызгали друг на друга, обнимались и целовались. Вокруг качались на волнах белые кувшинки, а семейство уток, расположившееся у берега, с интересом наблюдало за нами.

Чуть позже мы вышли из озера и пошли обсыхать и приводить себя в порядок на дачу родственников Златы. Мокрая одежда была тяжелой, прилипала к телу и хлопала, особенно джинсы. К счастью, идти нам было недалеко.

Добравшись до дачи, мы сразу же разделись, и Злата увлекла меня за собой в спальню. Ей было холодно, и я с нежностью прижал девушку к себе. Мы снова начали целоваться, а потом занимались любовью. В тот момент я почувствовал, что рядом именно та, с кем хочу провести всю свою жизнь.

Окрыленный чувствами, я сказал ей слова, которых прежде никому не говорил:

– Я люблю тебя.

Девушка нежно обняла меня и, одарив полным любви взглядом, спросила:

– Сильно-сильно?

– Сильно-сильно... – ответил я.

– Значит, ты только мой?

– Только твой, навсегда... – сказал я, просыпаясь.

Сон растаял.

Проснувшись, я искренне захотел, чтобы это было не просто сновидение, а видение будущего или хотя бы воспоминание. Пребывая в невероятной эйфории ото сна, я еще долго не хотел открывать глаза и лежал, наслаждаясь увиденным.

В голове крутился лишь один вопрос: «Почему в жизни все так сложно, почему влюбленные не могут быть вместе?»

Размышляя о сновидении, я неожиданно понял, что Злата мне не просто нравилась. Как и во сне, я действительно любил ее. Вряд ли я смог проникнуться к ней чувствами всего за одну вчерашнюю встречу в университете. Наверное, это была любовь, дремавшая под покровом утраченной памяти и сейчас вновь пробуждающаяся.

К сожалению, чувства вернулись ко мне не в самый удачный момент жизни. Мне очень хотелось оказаться сейчас рядом с любимой. Обнять ее, поцеловать, ощутить запах волос. Но пока это было невозможно. И только надежда на лучшее будущее придавала мне сил жить дальше.

Глава 3

День третий /среда/ Бежать без оглядки

5 сентября 00:22

Владимир, спальня район на севере города Технический этаж жилого дома

Странно... Мне почему-то казалось, что для того, чтобы нормально уснуть, нужны тепло, тишина, темнота и удобная постель. Теперь же я лежал на куче неприятно пахнущей обмотки. Через незастекленный оконный проем в глаза нещадно бил прожектор, освещавший весь двор, оттуда же дул уже по-осеннему холодный ветер. А я снова засыпал, натянув на себя брошенный, похоже, еще строителями старый ватник.

Сон опять поглотил меня, однако на этот раз он был тревожным. Мне снилось, что я смотрел телевизор. Смотрел, видимо, довольно долго, и в какой-то момент перед глазами все замерцало, появились странные узоры, напоминавшие лазерное шоу, которые начали сводить меня с ума. Затем послышался резкий вибрирующий металлический звук, продирающий до самых костей. От этого звука внутри что-то резко изменилось: я окаменел, словно мраморная статуя, не в состоянии управлять своим телом. Перед глазами вспышками, словно трейлеры кинофильмов, пронеслись то ли обрывки воспоминаний, то ли просто сюрреалистические бредни измученного сознания.

Одно можно сказать точно: все, что возникало, было необыкновенно красиво. Россыпи звезд и облака звездного газа на темном бесконечном просторе неба. Странные существа невероятного вида в немыслимых облачениях. Фантастические пейзажи удивительных миров и странные по своей архитектуре неземные сооружения.

Одно из видений было особенно ярким.

Наблюдал я его словно из какого-то иного измерения, что находится за пределами всего сущего. Там была тьма. Мрак без конца и начала. Мгла без блика и тени. Непроглядная, бесконечная. Ничего и никого – ни рядом, ни далеко. Только ощущение присутствия силы. Силы столь огромной и необъятной, что ее невозможно остановить.

Эта неопишуемая мощь уже впустила свои когти во тьму. Ткань мрака натянулась до предела. Что-то могучее и неодолимое пыталось сквозь нее прорваться и вломиться в эту девственную пустоту.

Удар, пауза, удар... Сила отступила, набираясь еще большей мощи. Удар, пауза... Снова удар, но во много раз сильнее. Потом затишье, долгое, тянущее, почти вечное... Очередной удар, теперь уже непреодолимой мощи. Стремительный и точный, в каждую точку тьмы одновременно. Словно бесчисленные иглы вонзились в эту натянутую до предела пелену, а затем... Взрыв!

Взрыв ошеломляющий и сокрушительный. Следом за ним вспышка, настолько ослепительная, что в одно мгновение она испепелила тьму и заполнила все пространство бурлящим пламенем.

От этого света я проснулся...

Утро уже начиналось, и пришло время вернуться к поиску решения, что делать дальше.

Главный вопрос, которым я задавался, – насколько активно будут искать человека, обвиняемого в афере международного уровня и массовом убийстве, совсем недавно сбежавшего прямо из логова федералов, к тому же обладающего странными и опасными для окружающих способностями.

Мне искренне хотелось надеяться, что недостаточно сильно. Хотя бы настолько, чтобы я смог сбежать из города.

Сейчас моим единственным планом была идея удрать подальше и затаиться...

Конечно, это были не очень достойные мысли для человека, который собирался послужить обществу и изменить мир к лучшему. Но, с другой стороны, как я принесу пользу людям, если меня посадят или убьют?

Кроме проблем, новый день принес и хорошие новости. Я заметил, что мое восприятие необычайно обострилось. Все органы чувств проснулись и ни с того ни с сего решили поработать на сто процентов вместо обычных пары-тройки. К сожалению, я по-прежнему не успевал осваивать в полной мере свои новые способности, но хорошо понимал, что они в нынешнем моем положении могут еще не раз пригодиться.

В один момент я неожиданно услышал то, что происходит на соседней улице, и разговоры сотен людей вихрем пронеслись в моем сознании. Порой я даже видел что-то сквозь стены: тени живущих там семей, туманные предметы интерьера их квартир. Но эти вспышки сверхвосприятия длились считанные мгновения, после чего новые способности пропадали, словно отходил какой-то важный провод у меня в голове...

Вот и сейчас до меня донесся шум проходящего за много километров поезда. Обоняние ощутило терпкий запах каких-то тропических цветов. Зрение позволило рассмотреть в небе летящий самолет, причем так детально, что я даже увидел смотрящих в иллюминаторы людей.

Другие мои органы чувств тоже не остались в стороне. Усилилось и осязание. Рецепторы улавливали каждое изменение вокруг меня, ощущали давление ветра на кожу и вибрацию стен, которую те передавали от самых недр земли.

В один не самый приятный момент я вдруг увидел под собой все этажи здания до самого подвала, словно все перегородки между ними пропали. От страха я даже попятился к стене и ухватился за подоконник. К счастью, этот неконтролируемый всплеск сверхспособностей закончился очень быстро. Мозг пытался как-то упорядочить сигналы от органов чувств, но оказывался бессилён, и все только что обретенные навыки бесследно пропадали.

Поскольку контролировать свои новые способности я был практически не в состоянии, вероятно, оставалось рассчитывать лишь на силы, присущие обычному человеку. Поэтому прежде, чем покинуть свое укрытие, я выбрался по лестнице с чердака на крышу и осмотрелся.

Весь город еще практически спал.

Несмотря на это, даже здесь, в тихом спальном районе, всего за пару минут наблюдения я заметил, как по улице проехало несколько патрульных машин. Быстро перебравшись на другой край крыши, с которого была видна городская объездная дорога, посмотрел и туда. Увиденное понравилось еще меньше: по дороге медленно двигалась длинная колонна военных машин для перевозки солдат. Возможно, просто намечались военные учения, потому что, несмотря на все свои подвиги, я всего лишь обокрал людей, а не начал войну. Во всяком случае, мне хотелось так думать. Но нехорошие предчувствия не давали успокоиться.

Мне стало совсем не по себе. Захотелось сбежать из города как можно быстрее, пока не стало слишком поздно. Спустившись с чердака к лифту, а затем уже на нем на первый этаж, и выйдя во двор здания, я бегло осмотрелся.

Высокое ярко-синее небо, нежное утреннее солнце. Под ногами еще не хлюпала осенняя слякоть. Все вокруг было спокойно и мирно. Тот же, что и вчера, город. Те же улицы и дома. Только я сам казался себе лишним в этом нормальном мире.

Не было покоя и чувства безопасности. Каждый в толпе мог быть врагом. Но опаснее всех были родственники и случайные знакомые, ведь они могли узнать меня, а я их – нет.

Стараясь вести себя уверенно, я даже мог бы показаться со стороны спокойным. Но мелкие произвольные движения моего тела все чаще выдавали страх. В крепком и сильном с виду парне дрожал и прятался загнанный в угол зверь.

Меня лишили дома, который я лишь недавно вновь обрел. Лишили той уютной норки, в которой можно было спрятаться от любых жизненных перипетий и весьма жестоких друг к другу людей.

Оставшись совсем один против целого мира, я почувствовал себя преданным, как малыш, неожиданно узнавший, что Дед Мороз – это выдумка, а родители лгуны. Теперь за каждым углом чудилась опасность. Но чтобы выжить, нужно было преодолеть этот выжигающий душу страх.

Собрав всю волю в кулак, я твердым шагом направился из подворотни на улицу.

Мимо пробежали две девушки в спортивной одежде. Одна из них была настолько худой, что пробежки ей были вряд ли нужны, а вторая – настолько толстой, что ей они едва ли могли помочь.

Оценивая спортсменов, я чуть не проглядел идущий навстречу патруль. Не то дружинники, не то еще кто с красными повязками на рукавах, почувствовали на себе мой взгляд и заинтересовались мною.

Резко ретировавшись обратно в арку, из которой только что вышел, я бросился бежать.

Случайный заспанного вида житель с мусорным ведром, показавшийся из дверей дома и направившийся во двор, оказался прямо на моем пути. Он на мгновение замешкался, и я сбил его с ног, словно машина перебегающую дорогу собаку. Отрывки не особенно вежливых слов неслись вслед, но мне было не до них.

Внезапно послышались быстро усиливающиеся завывания сирен, и я, несмотря на то что уже начинал задыхаться, еще ускорил свой бег.

В подъезд возвращаться не стал и в надежде найти более подходящее укрытие поспешил дальше. Выросший на пути небольшой забор я преодолел, даже не задумываясь. Словно невидимая пружина в ногах запустила тело вверх. Всего одно прикосновение ладонями к холодному металлу, и вот я, словно заядлый паркурщик, уже спрыгивал вниз. Однако такая активность не сильно помогла. Меня взяли в клещи. В смежный двор въехала черная машина с орущей сиреной, преградив дальнейший путь.

Мысли не могли угнаться за моими движениями. Перепрыгнув через капот, я чудом увернулся от резко открывшейся двери машины.

Меня окликнули сразу несколько человек, потребовав немедленно остановиться. Но я и не думал их слушаться. Так как других путей для отступления, не перекрытых полицией, из двора не было видно, я метнулся к ближайшему дому, прежде чем осознал происходящее. Резким движением внезапно нахлынувшей волны силы я выломал замок домофона и открыл дверь.

Позади послышались хлопки выстрелов, и несколько пуль со звоном отрекошетили от двери, которая захлопнулась за мной. К сожалению, одна из них все-таки вонзилась в мою левую голень, вызвав дикую боль, словно кто-то вогнал сверло до самой кости.

Рухнув на пол, я взвыл, как дикий зверь, но сразу же, преодолевая мучения, снова встал. Возможно, благодаря адреналину боль немного притупилась, и потому я с трудом, но все-таки смог продолжить движение.

«Куда же мне бежать? – пронеслись мысли. – Лестница, квартиры, лифт?»

Выбрав последнее, нажал кнопку вызова, и кабина неторопливо поползла с самого верхнего этажа вниз. Дождаться ее времени не было, и я, судорожно протиснув пальцы между краями дверей лифта, раздвинул их руками. Кабины за ними, естественно, не оказалось, и я, чуть присев, прыгнул в шахту лифта. В месте моего падения был влажный песок и темнота. Сверху поскрипывая, спускался лифт. Вскоре он остановился и навис над головой.

От падения боль в ноге резанула, как ножом, чуть не лишив меня сознания. Раздираемый между желанием зажать рану и страхом, что станет еще больнее, я только укусил себя за руку, словно это могло хоть как-то ослабить нестерпимую резь, распространившуюся от

ноги почти на половину тела. Накатила внезапная слабость, на лбу выступил холодный липкий пот. Голова закружилась, в предчувствии обморока я пошатнулся.

Тем не менее сознание я, к счастью, не потерял. Более того, продолжил бегство.

Несмотря на то что нога явно отказывалась слушаться, я начал ползть на коленях вдоль стен, лихорадочно ощупывая их и проводя ладонями по холодным, влажным, покрытым плесенью и мокрицами кирпичам. Наконец, в одной стене удалось обнаружить небольшое отверстие, из которого тянулись трубы и толстые кабели. Втиснувшись в него, я пополз по трубе, отгалкиваясь здоровой ногой. Во время очередного такого рывка бетонный выступ сильно ударил меня по голове, но я только пригнулся и пополз дальше, задержавшись лишь на пару секунд, чтобы потереть ушибленное место рукой.

Нога чудовищно болела. Когда я дополз до более-менее просторного участка, трясущимися руками чуть задрал штанину и в тусклом свете, сочащемся сверху из какой-то трещины, увидел на месте ранения дыру темно-фиолетового цвета размером с монету, вокруг которой набухал целый бугор. Кровь из нее так и лилась, а вместе с ней уходили и мои силы.

Внезапно на меня вновь накатила волна обострения чувств. Началась она с какого-то томления во лбу, где, как верили йоги, у людей скрывается третий глаз. На этот раз я оказался к ней внутренне готовым, и мне удалось сконцентрироваться. Каким-то новым, можно сказать внутренним, зрением я увидел, как полиция оцепила подъезд, и теперь сотрудники методично звонили в каждую дверь и беседовали с жильцами.

Прошло некоторое время, и руководивший моими поисками представитель закона вернулся во двор. Покинув дом, он сразу же отчитался человеку в штатском, стоявшему у черной машины с уже замолчавшей сиреной.

– Черт его знает как, но мы его потеряли. Этот парень словно призрак.

Лицо человека в штатском, казалось, ничего не выражало. Вместе с тем я заметил, как нервно сжался его кулак. Мужчина стремительным шагом вошел в подъезд и осмотрелся. Его внимательный взгляд практически сразу упал на закрытые дверцы лифта и две вмятины в металле, находившиеся на одном уровне, но на разных створках.

– Вскрывайте шахту лифта и проверьте все внизу, – скомандовал он. – Вам, вообще, за что зарплату платят? Вы что, не видите, что следы крови ведут именно сюда?

– Мы не думали, что он мог...

– Понятное дело, для того чтобы думать, голова нужна, – мужчина в штатском отвернулся, достал свой сотовый и позвонил: – Анатолий Михайлович, вы были правы. С этим парнем что-то не так. Он ушел в лифтовую шахту, но мы идем по следу.

Мужчина, не прерывая разговора, указал оперативнику на капли моей крови у лифта:

– От нас не уйдет, я обещаю.

Когда он это говорил, я уползал все дальше и дальше, а голос звучал у меня в голове удаляющимся эхом, а вскоре вовсе пропал вместе с виденьем.

Ползая по трубам и цепляясь за острые концы скрученной в местах стыковки проволоки, которая удерживала стекловату, я до крови расцарапал ладони и колени. Один раз даже разорвал штанину и глубоко пропорол бедро. Мерзкая обмотка стекловаты проникала сквозь одежду и, смешиваясь с потом, вызывала нестерпимый зуд.

Наконец, добравшись до основной магистрали теплотрассы, я спустился, а точнее свалился, куда-то еще ниже между основными трубами. Пара дополнительных ушибов, – и я снова двигался дальше, причем уже в полный рост.

Решив, что наконец появилась возможность перевязать рану, я увидел, что та уже затянулась сама собой, да и пулю в ноге я больше не ощущал. Она то ли вышла с кровью, то ли вообще растворилась.

Ссадины на руках и коленях затянулись, и единственным следом от них теперь были только дыры на одежде и пятна засохшей крови.

В физиологии своего измененного организма я мало что понимал и потому, не вдаваясь в подробности, просто пошел дальше, довольный уже тем, что мог идти, а не корчиться от потери крови на груди грязной обмотки труб.

По мере продвижения вперед мне периодически попадались участки с затхлой водой. Во время перехода по первому же из них я промочил ботинки и дальше шагал, хлюпая водой.

В одном из тускло освещенных мест под канализационным люком из темноты выбежала жирная крыса. Она сверкнула взглядом в мою сторону, совершив роковую ошибку, и сразу же упала замертво. У меня же в тот момент чуть прибавилось сил, словно я совершил небольшой привал.

Более бодрым шагом я пошел дальше.

Хуже всего в моем путешествии было то, что я совершенно не представлял, куда идти, и не имел ни малейшего понятия, где меня может ждать засада. Сколько я ползал и бродил в темноте, не знаю. Казалось, прошла вечность, прежде чем стало понятно, что я в тупике. Уныло рассмотрев убогое граффити на стене в полосатом свете, идущем от решетки вентиляции в потолке, я не слишком высоко оценил рисунок, изображавший маленькую девочку с шариком в руке, который одновременно являлся и буквой «О» в надписи «no future». Пришлось возвращаться к тому месту, где я последний раз видел трубу, ведущую на поверхность.

Поднимаясь по ржавым скобам, я молился, чтобы люк не был закатан под асфальт, как это бывает в старинной русской игре, в которой две силы, что не могут сосуществовать в мире и сотрудничестве, – коммунальщики и дорожники, сходятся в извечной битве за люки.

Удача в этот раз была на моей стороне, и я выбрался на свободу почти на самом выезде из города.

Там оказался еще один патруль, но, к счастью, он был достаточно далеко, и никто из них не смотрел в мою сторону, когда я вылезал из люка. Дальше все было уже делом техники. Утомительный переход через пустыри и тошнотворное путешествие сквозь зловонную свалку по краю обрыва вечно горящего городского мусора – и вот впереди долгожданные дачные участки.

Однако на них не стоило останавливаться. Слишком близко к городу. Слишком опасно. Да и народ там все еще активно выкапывал картошку, собирал яблоки и просто жарил шашлыки.

Я направился дальше, в ближайшую деревню, в надежде найти временное укрытие до того, как придумаю, что делать.

5 сентября 11:31

Село Лунево Владимирской области

Населенным пунктом, на который я набрел, оказалось унылое, почти вымершее село. Внезапно на меня накатил волна депрессии. То ли усталость и страх взяли свое, то ли пейзаж богом забытого места стал последней каплей...

«Боже, боже!!! Почему я должен бежать? Что я сделал такого? Да, прошлый я, возможно, был не лучшим малым. Но сегодняшней я причем здесь? Почему я должен расчитываться за чьи-то прегрешения?» – пронеслось в голове, едва я представил свои сомнительные перспективы.

Но на мое мысленное воззвание вселенная, разумеется, не ответила. Ей было все равно, что какой-то букашке плохо, страшно и одиноко. Точно так охотнику безразличны переживания его жертвы. Возможно, невидимому создателю было просто интересно наблюдать, как рожденное девственно безгрешным дитя мир обращает в загнанного зверя, который порой, вопреки своим желаниям, приносит страдания и окружающим...

Сейчас мое желание послужить миру стало казаться таким несбыточным, что даже опускались руки предпринимать хоть что-то. Но, к сожалению, бездействие было для меня

непозволительной роскошью. Нужно было двигаться, искать укрытие, даже не ради великих целей, а просто чтобы выжить, а уж потом будет видно, как поступать дальше.

Село, до которого я дошел, было небольшим, и народа на его единственной улице я практически не увидел. Лишь какой-то старик в галошах на босу ногу пил прямо из-под колонки, да еще пара старушек грызла семечки на скамейке. Все они были достаточно далеко, чтобы меня хорошо рассмотреть.

Единственным, кто на меня внимательно смотрел, был козел, привязанный веревкой к ограде. Да еще куда-то деловито шла через дорогу, побрякивая и поглядывая на меня, небольшая группа гусей. Впрочем, для меня опасности они, естественно, не представляли.

Дождавшись, когда старик уковыляет прочь от колонки, и чуть выждав, я сменил его. Попил воды, стянул с себя майку и, ежась от холода, как смог смыл впитавшиеся сквозь одежду волокна стекловаты.

Вокруг было много брошенных домов с покосившимися, местами обвалившимися крышами и забитыми наглухо окнами. Были и просто каменные, полуразрушенные стены, без крыш, заросшие репейником и невысокими побегими одичавших яблонь.

Выбрав из этих заброшенных строений самый опрятный дом, я обошел его сзади и выломал руками прибитые ржавыми гвоздями доски, мешавшие проникнуть в окно. Легко выставив стекло, отогнув ногтями мелкие гвоздики, которые его удерживали, я просунул руку внутрь и повернул шпингалет, после чего открыл створки окна и залез внутрь дома.

Везение вновь было на моей стороне. Дом хоть и был, судя по заколоченным окнам, брошен, в нем оставались старенькая мебель и даже маленький черно-белый телевизор. В комнатах почти не воняло, разве что пылью немного. Без особой надежды я пощелкал выключателем и к своему удивлению обнаружил, что электричество отключено не было. Видимо, хозяева все же приезжали сюда время от времени, как на дачу.

Посчитав, что ходить в сентябре с обнаженным торсом, несколько холодно, я добыл в одном из шкафов клетчатую рубашку с подкладкой. Она существенно выгорела на солнце и выглядела несколько застиранной, но мне в ней стало тепло и комфортно.

Закрыв кое-как за собой окно, стараясь, чтобы с улицы не было заметно следов взлома, а затем включив телевизор, я вполглаза просмотрел конец фильма, где не распятый на кресте Иисус, наконец, освобожден от своей миссии, и теперь у него будет свадьба, дом, дети и возделываемый сад.

Почему-то мне показалось, что счастливый конец, придуманный режиссером, обрадует далеко не всех верующих. Однако мои теологические размышления прервал выпуск новостей.

Искренне надеясь, что и на этот раз там ничего не расскажут про мои тверские махинации, я все же решил их посмотреть. Но, к сожалению, сегодня их все-таки озвучили. Как только диктор перешел к криминальным новостям, то сразу начал именно с подвигов меня прошлого:

«Серьезный финансовый скандал разразился на днях в Управляющей компании ПИФ “Финанс Профи Групп”. Он буквально потряс не только российскую, но и мировую общественность. Широкая сеть филиалов этой нечистоплотной коммерческой структуры окутала Россию, государства ближнего зарубежья и даже Европу. Опосредованно, через своих представителей, она добралась в США, Канаду и Австралию.

По последним данным, более пятнадцати миллионов ее вкладчиков понесли серьезный финансовый ущерб, который оценивается, по предварительным данным, в шесть с половиной миллиардов долларов.

По информации столичного управления ФССП РФ, только у московских судебных приставов на данный момент уже находится почти две с половиной тысячи исполнительных

производств в отношении ПИФ “Финанс Профи Групп” на сумму свыше трех с половиной миллиардов рублей.

Усугубило ситуацию то, что вклады страховались компанией ОАО “Страховое акционерное общество “Монолит”, входившей в преступный сговор с криминальной структурой и вчера объявившей себя банкротом.

Правоохранительным органам удалось вычислить организатора этой крупнейшей аферы нашего времени. Им оказался Александр Быстров, уроженец Владимирской области, известный в криминальных кругах под кличкой Призрак. По проходящим проверке данным, он числится также возможным организатором целого ряда других крупных финансовых афер.

На данный момент Быстров находится в федеральном розыске, и за информацию о его местонахождении гарантируется награда в размере десяти миллионов рублей. По оперативным данным, последний раз его видели в городе Владимире».

На экране крупным планом показали мою фотографию.

«Это нехорошо, совсем нехорошо... – поморщившись, печально сказал я самому себе. – Но спасибо, хоть убийства пока не приписали. Впрочем, можно теперь вообще не спать, а только сидеть и ждать облавы».

Хотя если искать плюсы, то размах аферы внушил мне некоторое, правда своеобразное, уважение к себе прошлому. Теперь я был знаменит на весь мир и уже точно не умру в неизвестности. «К тому же на фотографии я выглядел довольно симпатично», – констатировал я уже окончательно обреченным голосом.

Были и другие новости. В основном все, как обычно: где-то наводнения, где-то извержения, где-то оползни, новая вспышка мутировавшего вируса птичьего гриппа в Бразилии, вызванная глупостью обывателей, попробовавших вьетнамский суп из гусиной крови. Мощный тайфун в Японии, унесший сотни жизней. Один из крупнейших танкеров затонул у берегов Италии, создав серьезную экологическую угрозу всему северному побережью Средиземного моря. Маньяк-педофил был задержан в Санта-Фе (штат Нью-Мексико, США), после того как одна из удерживаемых в его сексуальном рабстве десятилетняя девочка смогла сбежать и все рассказать полиции. Украина, как уже случалось, напугала мир какими-то неполадками на одной из АЭС. Однако, что за неполадки имелись в виду и был ли какой выброс, пока умалчивалось.

В общем, ничего из ряда вон выходящего.

Из более-менее нейтральных новостей было открытие генетиков Лестерского университета из Британии, которым удалось установить, что большинство представителей современного мужского населения мира являются продолжателями всего лишь трех древних родов, берущих начало в бронзовом веке.

Вроде обычная новость, но мне показалось, что именно она взволновала ту темную сущность, которая с недавних пор, очевидно, обитала внутри меня. Темная пелена укрыла мои глаза, и голос, идущий из самых потаенных глубин моего сознания, сказал: «Многие пали в великой войне, многие истратили слишком много сил, чтобы подняться вновь. Но тайный мир, сокрытый, затерянный, девственно чистый, еще ждет часа, чтобы разбросать свои семена от края и до края пустынных земель. Новая сила придет и разрешит извечное противостояние».

Мрак ушел, вновь вернув мне зрение, и я, в шоке от очередного непонятого происшествия, вернулся к просмотру новостей.

В конце передачи очередной загадкой порадовали астрономы. Помимо продолжающегося исчезновения звезд, в поясе астероидов между орбит Юпитера и Марса был обнаружен массивный объект планетарного масштаба. Его засек новейший спутник наблюдения за ближним космосом «Атлант». Он был запущен специально для своевременного обнаруже-

ния опасных для Земли объектов задолго до их приближения. Однако никто не ожидал, что находка может оказаться столь крупной. Фактически была найдена новая планета, неразличимая визуально и в два раза превосходящая размером Венеру. Но странности на этом не заканчивались. В отличие от всех природных тел, найденный объект не вращался вокруг Солнца. Он вообще не менял своих координат со времени своего обнаружения и не влиял своей гравитацией на объекты вокруг. В инфракрасном спектре, хоть и слабо, но различался его силуэт: вытянутый, сигарообразный, с четкими краями и заметным уплотнением на одном конце. Объект походил на огромный молот, и был явно техногенного происхождения.

Ученые дали ему название «Темная планета» по аналогии с темной материей, следы которой, как они предположили, им и удалось впервые зафиксировать.

Новости в целом меня расстроили и утомили. Практически без сил я прилег на диван и прикрылся лежащим рядом пледом. Все эти дни мой организм находился в странном состоянии недостатка жизненной энергии и при любой возможности пытался отключиться, спрятавшись в сон. Возможно, это было связано с кардинальными перестройками в моей физиологии. Или же в дополнительной энергии нуждались внезапно приходящие сверхспособности. А может, это просто происходило из-за эмоциональных перегрузок.

Вот и сейчас накотившая слабость волнами легкой дрожи прошла по телу, а глаза сами собой закрылись. Медленно провалившись в небытие, я дернул ногой из-за резко ослабившейся мышцы и постепенно уснул.

Мне снова снилась Злата. Мы гуляли с ней теплым майским вечером по парку, украшенному светящимися гирляндами, и непринужденно болтали о всяких пустяках. Мне было с ней очень легко, я мог быть с ней абсолютно искренним и не пытаться казаться лучше, чем есть на самом деле.

Моя девушка была нереально красива, словно сошла с какой-то сказочной картинки. В легком коротком платьице, с милой нежной улыбкой, она манила меня, словно магнит.

В порыве чувств я подхватил Злату на руки и закружил. Она казалась почти невесомой, и я нес девушку на руках до самого ее дома. Когда мы до него добрались, Злата набрала код на домофоне, и мы вошли в ее подъезд.

– Поставь меня, я хоть легкая, но не пушинка, – засмеялась девушка.

– Вот уж нет! Теперь всегда буду тебя носить только на руках! – тоже со смехом ответил я и побежал вверх по лестнице.

Держа Злату на руках, без всякого лифта я поднялся на один из самых верхних этажей дома, где находилась нужная квартира. Только в самом конце мое дыхание начало сбиваться, но, несмотря на это, весь путь был проделан без малейшей передышки.

Наконец, я опустил любимую на пол коридора.

– Может, выйдем на крышу, там сейчас должно быть здорово, – предложила Злата.

Мы прошли мимо дверей ее квартиры, поднялись по лестнице еще выше и вскоре оказались на крыше.

Теплый ветер нежно трепал наши волосы. Мы стояли под бесконечной россыпью звезд. Вокруг нас, как на ладони, раскинулся город, полный огней. Обняв девушку, я привлек ее к себе. Наши губы коснулись друг друга.

Глядя в ее прекрасные глаза, я вдруг понял, что это был лишь сон. Реальная жизнь не так романтична, в ней люди предают друг друга, рушат чужие судьбы и спокойно идут дальше. «Неужели эта сказка у меня когда-то была?..» – задал я вопрос самому себе, но вместо ответа получил грубый толчок в бок, от которого проснулся.

Кто-то меня нетерпеливо трепал за плечо.

Приходя в себя от резкого пробуждения, я пытался вспомнить, где нахожусь.

Первым, что я увидел, было лицо смотрящей на меня с недовольством совсем юной девушки с розовыми волосами, обвитыми ленточками. На вид она была старшеклассницей,

хотя могла быть и первокурсницей. Пирсинг в носу, колечки на губе, татуировка на щеке и причудливый наряд в стиле эмо. Из-за спины незнакомки выглядывали ее спутники, три парня и две девушки, столь же непривычного для меня вида. В центре комнаты на старом столе без скатерти, но прикрытом газетами, стояло достаточно много бутылок с пивом и лежала целая гора упаковок с чипсами и сухариками.

Разбудившая меня девушка заговорила недовольным писклявым голоском:

– Это, между прочим, дом моей бабушки. Уходите, пожалуйста, пока мы не вызвали полицию.

Еще раз осмотрев компанию хилых подростков, я пришел к выводу, что раскидать их всех и сбежать мне не составит труда. Другой вопрос, успею ли я исчезнуть до того, как полиция оцепит район, если приедет по вызову? Конечно, был шанс, что молодежь не в курсе криминальных новостей, но я в это не очень верил.

В подтверждение моих мыслей, один из парней в черной шапочке, украшенной улыбающимися черепами, и в майке с надписью «Инструктор по маразму» присел за столик и, отпив немного пива, заявил:

– Стоп. А я, кажется, его знаю. Маришка, это же тот жулик, которого по телику показывали – Быстров. За информацию о нем кучу бабок обещают.

Повисла многозначительная пауза. Компания взвешивала, каковы шансы, что полиция им на самом деле заплатит, а не подкинёт наркоты и не сольет награду через подставных лиц. Кроме того, дело осложнилось еще и тем, что я, разумеется, не буду спокойно ждать, пока меня сдадут. Ведь, действительно, ничто мне не мешало убить их прямо здесь, в этом заброшенном домике.

Наиболее сообразительной оказалась Марина.

– Нет, мы его сдавать не будем. Человек при деньгах. Может, совесть замучает и за нашу помощь он сам нас проспонсирует.

Кивнув, я показал, что полностью согласен с таким предложением, хотя и понятия не имел, где у меня деньги, и тем более не собирался никому ничего платить.

– Оставляйте адрес, и я вам денег подброшу, как доберусь до тайника. Миллион долларов ваш, можете его пропить, если хотите, – щедро предложил я.

– Вот и ладушки, – Марина написала телефончик на маленьком листике, который вырвала из своей записной книжки, украшенной изображениями кукол девочек-вампиров. – Если хочешь, можешь оставаться, раз тебя все ищут. Выпьешь с нами. У нас пиво еще прохладное, угощайся.

– Да, пивка с нами попей, ты прям криминальный авторитет, – с нескрываемым уважением высказался сидящий за столом паренек, допивая бутылку пива «Балтика 9». Этот молодой человек был обезображен пирсингом больше остальных. Серьги блестели у него в ушах, в носу и целой россыпью на губах. Мало того, даже в щеке была настолько большая круглая дырка с медной вставкой, что сквозь нее были видны зубы.

Про себя я подумал, что выглядел парень весьма тошнотворно.

В глубине души я был возмущен тем, что имевшиеся у меня три образования и куча творческих талантов вряд ли поразили бы кого-нибудь из присутствующих. А вот то, что я людей обокрал, напротив, произвело на них огромное впечатление.

– Расскажешь, как лохов надувать? – поинтересовался парень с дыркой в щеке.

– Давай пока просто пивка попьем, может, позже, – ушел я от ответа, налив в пластиковый стакан себе пива.

Мне не было смысла философствовать. До темноты все равно нужно было где-то скрываться. Главное, сейчас надо было проследить, чтобы народ с мобил не названивал. А сбежать можно было и пропустив бутылочку-другую, тем более что возможность снять стресс алкоголем выглядела весьма заманчиво.

Встреча развивалась очень бурно. Парни достали еще и водки, и через минут сорок один из них, с козлиной бородкой, уже изрядно пьяный спал прямо в кресле в углу комнаты, пустив, как пес, слюни изо рта. Марина тщетно пыталась добиться от него признаков активности и даже обиженно пнула его. Видимо, это был ее кавалер, и потому девушка воспринимала его отключку как личное оскорбление.

Одна из пар вышла на кухню покурить, и я незамедлительно последовал за ними, чтобы проследить, не будут ли они кому звонить. Однако те всего лишь целовались и жадно тискали друг друга.

Музыка играла еле слышно, так как колонки ноутбука, принесенного молодежью с собой, были, мягко говоря, слабоваты. Вернувшись в комнату, я вместе с Мариной попробовал усилить громкость, но, не добившись успеха, начал просто искать в нем более приятную музыку. Пока мы с ней копались в ноутбуке, оставшаяся пара ушла в спальню. Пришлось проследить и за ней, но ребята занялись честным подростковым сексом.

Слежка начинала меня утомлять, тем более что я, кажется, сам выпил больше, чем планировал. «Балтика 9» оказалась весьма коварным напитком, и у меня возникли подозрения, не добавляют ли в нее спирт прямо на заводе.

С каждой новой бутылкой я все больше терял бдительность, отчасти потому, что мне самому в глубине души хотелось напиться вопреки соображениям безопасности. Хотелось расслабиться и отвлечься от тревожных мыслей, атаковавших мою голову.

Пиво закончилось, и мы с девушкой как-то незаметно перешли на водку. Водка на удивление легко пилась, хоть я и не любил этот напиток. Как я узнал, друг Марины привез бутылку из Франции, где отработал летом по обмену.

Все больше я проникался к девушке пьяной симпатией, хотя и не планировал ничего более пустой болтовни. Несмотря на выпитое, где-то на задворках моего разума продолжал витать образ Златы. Даже затуманенный алкоголем, он был настолько ярким и желанным, что легкая интрига с незнакомкой казалась мне настоящим предательством.

Между тем Марина, не пуская дело на самотек, ненавязчиво сама занялась моим соблазнением. В отсутствие вырубившегося друга ей стало скучно, и она забавно кормила меня со своей прохладной ладошки чипсами, а затем и вовсе прилегла ко мне на колени.

К тому времени я уже был достаточно пьян, чтобы вести себя разумно и предусмотрительно. И когда девушка провела пальцем по моим губам, какая-то нечеловеческая жажда, сродни тяге вампира к человеческой крови, прятаясь ранее в глубинах подсознания, обрела надо мной власть. Больше я не мог себя контролировать. Нечто внутри меня непреодолимо захотело близости.

В какой-то момент я и вовсе потерял ощущение самого себя, словно став кем-то другим. Теперь я был узником собственного тела, уже неконтролируемого разумом.

Наши пьяные взгляды встретились. Девушка привстала с моих коленей. Наши губы бесконтрольно слились в поцелуе.

Поцелуй оказался на редкость страстным. Девушка трепетала буквально от каждого прикосновения. Возбуждение охватывало нас все сильнее. Я начал гладить ее тело. Мои руки скользили повсюду, куда только доставали. Расстегнув блузку девушки, я осыпал поцелуями юное тело. Она вздрагивала от возбуждения, и от этого я окончательно потерял контроль, увлеченный необузданной жаждой плоти.

Во время занятия любовью о безопасном сексе у нас не промелькнуло даже и мысли. С каждым движением и прикосновением меня захлестывали волны эндорфинов и ощущение какой-то нарастающей внутри меня силы. Что-то могущественное и дикое медленно просыпалось внутри меня. На мгновение мне показалось, что нечто, едва заметное, похожее на бесцветную дымку, отделилось от тела девушки и впиталось в меня прямо сквозь кожу.

Лед и пламя одновременным разрядом тока коснулись каждой клеточки моего тела. Вслед за ними волна неописуемого блаженства пробежала по мне, и я, буквально захлебнувшись в ней, упал в обморок.

Как только сознание меня оставило, оно словно открылось чему-то другому, представив мне очередное виденье.

Мрак, непроглядный, бесконечный, продирающий холодом до самых костей и режущий по живому. Непреодолимая тоска и одиночество в каждой клетке. Бурлящая без сил покинуть сосуд моего разума ненависть к самому себе и всему миру. Чувства были столь сильными, что я не мог понять, чьи они. То ли кого-то неведомого, то ли мои собственные.

Казалось, что я заглянул в глаза самой бездне. И действительно, в этой тьме мне удалось разглядеть чьи-то глаза. Они наблюдали за мной. Они словно ждали чего-то от меня.

Словно под гипнозом, я не мог отвести от них свой взор. Тьма начала проникать в мое тело тонкими струями. Как щупальца морского чудовища, они окутывали меня. Однако они еще были слишком слабы и пока лишь пробовали меня на прочность. Я смог выскользнуть из их клубка и вернуться в реальность. В ужасе я отвернулся от тьмы, и та нехотя отступила, в ожидании своего часа...

Придя в себя, я понял, что лежу голым на полу, упав с дивана. Серая пыль и на руках, и на груди. Девушки рядом не было.

Встав, я осмотрелся, желая найти это небесное создание, подарившее мне столь незабываемые ощущения, хоть я их не так уж и желал. Но вместо Марины я увидел лишь ее одежду и серый прах на диване в форме человеческого силуэта.

Остолбев от этого зрелища, я некоторое время пытался осознать, что произошло именно то, о чем я подумал.

Когда же, наконец, я окончательно принял вероятность того, что, скорее всего, сам обратил юную девушку в пыль, то медленно, словно во сне, стал одеваться, двигаясь все ближе к двери, и вскоре вышел на улицу.

Мысль замести следы мне даже не пришла в голову.

Сознание никак не хотело мириться с тем, что случилось. Ответы на вопросы были слишком страшны, чтобы их проговаривать даже про себя, и потому я находился в каком-то трансовом состоянии внутренней тишины.

Мимо меня прошла какая-то женщина в выцветшем зеленом платке на голове. Она посмотрела в мою сторону с таким видом, будто я был привидением. Но для меня больше уже ничего не имело значения. Такого не должно ни с кем происходить. Как же нестерпимо жутко, когда понимаешь, что самое реальное зло в этом мире – ты сам...

5 сентября 17:42

Владимирская область, междугородняя трасса

Абсолютно бесцельно я брел по обочине дороги. В голову бесконечным потоком лезли разные мысли, причем одна неприятнее другой. Мимо проезжали фуры, щедро обдавая пылью, но меня это мало трогало. Сейчас мне было ни до кого и ни до чего.

Казалось, что хуже уже и быть не может, но, как обычно, жизнь всегда имела пару лишних тузов в рукаве.

Позади меня резко затормозил автомобиль и кто-то, выйдя из него, окликнул:
– Эй ты, а ну притормози!

Остановившись, я обернулся, ожидая увидеть полицейскую машину, но вместо нее позади меня стоял изрядно поцарапанный джип «Чероки». Он был годов девяностых, и на капоте уже проступила ржавчина. Лобовое стекло покрывали паутина из трещин и пара белых пятен от пометивших его птиц, а в решетке радиатора даже застрял сбитый мертвый воробей. Металлическая защита двигателя опасно свисала под корпусом, грозя отвалиться и поставить машину на дыбы.

У дверей джипа, внимательно всматриваясь в мое лицо, стоял крепкий мужик цыганской внешности в черной шелковой рубаше и с толстой золотой цепью на шее.

– Точно, это он, – довольно улыбнувшись, сказал мужчина кому-то в машине.

Из иномарки вылез и шофер. Им оказался молодой паренек, очень похожий внешне на окликнувшего меня мужчину, только моложе лет на десять, с золотой цепью чуть тоньше и заметно худощавее первого. Скорее всего, это был его младший брат.

– Зурало, да это ж просто джекпот! – обрадовался шофер.

Тот, кто предположительно был старшим братом, осмотрелся по сторонам и поманил меня пальцем.

– Так, телезвезда, садись в машину, поболтаем, – приказал он грозным тоном.

– Нет, – не раздумывая, ответил я и стал судорожно прикидывать, как лучше избавиться от очередных проблем.

– Нет? – искренне удивился мужик и вынул из кармана большой нож в кожаном чехле. – А если так? – спросил он, расчехлив огромное острое лезвие и мастерски покрутив оружие в руке.

Дело начинало принимать дурной оборот. Нож выглядел смертоносно, а судя по жесткому выражению лица цыгана, он не особенно будет медлить с его использованием. Кроме того, было неясно, что более опасно для жизни – продолжать спорить или согласиться сесть в машину. Осмотревшись, я увидел валяющуюся рядом палку. Быстро подняв ее, я принял стойку бейсболиста в ожидании мяча.

– Оставьте меня в покое! Никуда я к вам садиться не буду! – крикнул я мужику с ножом, решив, что сесть в машину будет все-таки опаснее.

– Ну все, он меня достал. Хватаем его, Шуко! – крикнул Зурало шоферу, и они оба бросились в мою сторону.

Тот, что моложе, оказался лучшим бегуном и потому в качестве бонуса получил палкой по лицу. После сильного удара сломались и его нос, и мое оружие.

Между тем следующий удар достался уже мне. Зурало, несущийся на меня с мощью грузовика, оказался еще и каратистом. Его нога ударила мне в грудь быстрее, чем я что-либо понял. Отлетев, как футбольный мяч от штанги ворот, я пропахал придорожный щебень собственным затылком и согнулся, лежа на земле, от боли в груди. Похоже, мне сломали пару ребер, но побои мои, к сожалению, на этом не закончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.